

Галина Романова

Колледж Некромагии.
Самый плохой студент

16+

Галина Романова

**Колледж Некромагии.
Самый плохой студент**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Романова Г. Л.

Колледж Некромагии. Самый плохой студент / Г. Л. Романова —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Рихард Вагнер - на первый взгляд, самый обычный студент четвертого курса Колледжа Некромагии. Красавец, бретер, бабник, прогульщик, талант - и это все о нем. Как у любого студента, у него есть верные друзья - отличник Оливер Жижка - враги - будущий богослов Арчибальд фон Лютц и возлюбленная. На первый взгляд, обычный студент, каких много. Но когда в Колледж приходит новый преподаватель богословия пра Добраш и в его стенах начинают происходить таинственные события, а сам Колледж оказывается на грани закрытия, именно Рихард Вагнер оказывается в первых рядах тех, кто начинает борьбу. Автор иллюстрации - Софья Потоцкая.

Галина Романова

КОЛЛЕДЖ НЕКРОМАГИИ. САМЫЙ ПЛОХОЙ СТУДЕНТ.

Пролог.

В исповедальне было тихо. Так тихо, как обычно бывает после того, как один из собеседников проговорился и решил доверить другому тайну, камнем лежащую на сердце. Молодой мужчина стоял на коленях, склонив голову на грудь, сложив руки и ожидая своего приговора.

Его собеседник молчал, и это затянувшееся молчание было тяжелее всяких слов.

– Ты понимаешь, что я только что услышал? – наконец, промолвил он.

– Ваше священство, – молодой мужчина осмелился поднять взгляд. – Я понимаю ваше недоумение... негодование... Нужда заставила меня довериться вам. Лелею надежду, что вы с пониманием отнесетесь к моей судьбе... поймете, что у меня не было другого выхода!

– Ты так этого желаешь? – помолчав, поинтересовался собеседник.

– Да, ваше священство.

– И ты готов на все ради своей цели?

– Да.

– Что ж. Если ты обещаешь во всем меня слушаться, у тебя будет такая возможность.

Глава 1.

В переулке было тихо и пустынно. Ночь окутала город. Только полчаса тому назад на главной башне часы пробили полночь. Услышав этот звон, молодой человек встрепенулся. Полночь. Время, когда его таинственный собеседник назначил встречу. Никаких подробностей объяснено не было. Просто ему сообщили, что хотят доверить важную тайну. Тайну, которая может многое изменить в этом мире.

И молодой человек пришел в условленное место в условленное время. И послушно ждал, прислушиваясь к шорохам ночи.

Город жил своей, ночной жизнью – одни его обитатели ушли на покой, другие только просыпались. Там, где днем бродили бездомные собаки, теперь в кучах отбросов копошились крысы. Там, где днем торговки раскладывали на рынке свой товар, собирались торговцы краденым. Там, где прохаживались праздные гуляки, теперь крались темные личности.

Четверо остановились на углу. Прислушались. Молодой человек, ожидавший неведомого собеседника, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Полночь миновала, и он все больше склонялся к мысли, что зря пришел сюда. И что пора бы, как говорится, и честь знать.

Четверо несколько минут подождали, но пустота и темнота ночной улицы никем не нарушились. Тогда они разделились. Двое скользнули вдоль домов, заходя через переулок с другой стороны, двое остались ждать условного сигнала.

Он прозвучал через несколько минут – гнусавый кошачий мяв. Ожидавший на углу молодой человек схватился было за меч, но, сообразив, что испугался бездомной кошки, опустил оружие.

Через пару минут послышался шорох. Кто-то приближался. Остановился в тени соседнего дома, тихо свистнул.

Молодой человек облегченно перевел дух. В переданной ему записке было сказано, что условным знаком как раз и будет свист.

- Это вы? – он шагнул вперед. – Я пришел.
- Следуйте за мной! – тень у стены шевельнулась.

Молодой человек послушно пошел по пятам за мужчиной в длинном балахоне. В темноте было трудно разобрать, что это за одежда на нем. Но вот его проводник скользнул в подворотню, стукнул в небольшую дверь условным стуком. Дверь отворилась, пропуская внутрь. Тут было светлее, и молодой человек заметил, что его провожатый был в темно-синей рясе.

Они поднялись по ступеням на второй этаж. В небольшой заставленной тяжелой мебелью комнате его ждал осанистый седовласый мужчина.

– Вы точны, – кивнул он вместо приветствия. – Вы пришли, чтобы дать окончательный ответ?

Гость кивнул.

– Итак, ваш ответ...

– Нет.

– Это окончательное решение? Подумайте еще раз! Вы имеете право отказаться...

– Я имею право отказаться быть подлецом. И вам советую – берегитесь!

– Это угроза? – седовласый улыбнулся.

– Да. И я советую вам...

– Молодой человек, я не собираюсь вас уговаривать, и у меня нет времени и желания тратить на вас свое время. Все будет так, как я задумал!

Сзади что-то шевельнулось. Молодой человек успел уловить только шорох – и тяжелый удар по голове погрузил его в беспамятство. Его подхватили под руки, не давая упасть. После чего тихо потащили прочь из комнаты.

– Все будет так, как я задумал, – повторил седовласый мужчина, глядя им вслед.

Город спал и ничего не знал, живя своей жизнью. Впрочем, даже те, кто не спали, тоже ничего не замечали, занятые только собой.

В комнате было темно, и лишь забытая на столике свеча упрямо бросала мраку вызов, озаряя пышное убранство спальни, мебель и разбросанные как попало вещи. Шарахаясь от ее робкого огонька, тени жались по углам, принимая порой причудливые очертания.

В глубине алькова под балдахином, украшенным пушистыми кистями, во мраке колебалось, дрожало, елозило странное светлое пятно. Слышался шорох, поскрипывание досок, сосредоточенное сопение и перемежающиеся всхлипами стоны.

– О!.. А-ах!.. А-о, – стонала женщина, руками и ногами цепляясь за своего любовника. – А! О! Ай! – выкрикивала она снова и снова по мере того, как мужчина ускорял или замедлял темп. Сцепившись, словно два борца, любовники катались по постели, не прерывая своего занятия. Крики женщины становились все отчаяннее и пронзительнее. Мужчина делал свое дело молча.

Любовники до того увлеклись процессом, что не сразу смогли остановиться. Но, наконец, мужчина откатился в сторону, раскинув руки и ноги. Оставленная им женщина какое-то время лежала неподвижно, потом потянулась всем телом и придвинулась к любовнику, кладя голову ему на плечо.

– О, милый, это было великолепно, – промурлыкала она срывающимся голосом. – Ты превзошел сам себя!

– Хм, – только и ответил на это мужчина.

– Я тебя обожаю, – женщина потерлась щекой о его грудь, приподняла голову, заглядывая в лицо. – Ты – лучший, Рихард!

– А у тебя, – он скосил глаза в ее сторону, – есть, с кем сравнивать?

– Глупый и ревнивый дурачок, – рассмеялась женщина. – Зачем мне кто-то еще, когда у меня уже есть ты? Я и так знаю...

– Хм, – мужчина криво усмехнулся, снова поднял взгляд на нависающий над ними балдахин.

– Ты великолепен, – продолжала женщина, ластясь к нему, словно кошка. – Ну, почему мы не можем постоянно быть вместе?

– Наверное, потому, что ты – замужем, – предположил он. – И твой супруг...

– Да ну его! – отмахнулась женщина. – Он стар и слаб, и я его никогда не любила... Нет, если бы его не было, мы бы смогли...

Мужчина не ответил. Он дышал ровно и размеренно, постепенно проваливаясь в сон и слушая воркование подруги краем уха. Да, было бы неплохо видеться почаще, но вся сложность в том, что за короткие встречи любовники не успевали надоест друг другу. Что было бы, если бы им пришлось выносить присутствие друг друга целыми днями? Да, поначалу они бы круглые сутки не вылезали из постели – Магдалена просто ненасытна, это он уже уяснил – но потом неизбежно начались бы ссоры, споры. Приятное удовольствие превратилось бы в повинность, которую надо отрабатывать еженощно. И он лишился бы свободы, которой так дорожил...

– Я тебя так люблю, – продолжала его любовница. – А ты меня любишь?

Ну вот, начинается!

– Люблю, – пробормотал он и пошевелился, одной рукой подтягивая женщину поближе. – Очень люблю.

– И сумеешь это доказать? – она приподнялась на локте, заглядывая в лицо.

– Легко! Иди ко мне!

– Ого!

Они опять сплелись в тесном объятии, как вдруг женщина резко вскинула голову, прислушиваясь:

– Что это там? Ты слышишь?

Рихард приподнялся. Откуда-то издалека слышался и быстро приближался топот ног и бряцанье оружия. Судя по всему, шум производили пять или шесть человек.

– Что там? – Магдалена распахнула глаза. – Что случилось?

Шаги остановились под дверью. В следующий миг в запертую створку грохнул кулак:

– Дорогая! Я вернулся!

Женщина вздрогнула всем телом, как от удара:

– Муж!

Рихард отпихнул ее, резко садясь на постели:

– Ты же говорила, он уехал в Хочев!

– Уехал, но...

– Дорогая, – кулак снова врезался в дверь. – Ты спишь?

– А...э-э... – женщина попыталась зевнуть и даже взвыла от напряжения, – да. Спала.

А...ты уже приехал?

– Да. Открывай дверь!

– Что?

– Открывай немедленно, женщина! – мужчина повысил голос. – Если ты там одна...

Рихард тем временем кубарем скатился с кровати и заметался по комнате, хватая свои вещи. Зацепил сапогом за платье любовницы, потянув его за собой, в раздражении дернул. Дорогая материя треснула, расходясь по шву.

– Что там происходит? – крикнули снаружи.

– Э-э...ничего, – Магдалена сидела на постели, то глядя, как одевается любовник, то бросая взгляд на дверь.

– Ничего? Тогда отопри дверь ипусти меня! С чего это тебе вздумалось запираься?

– Э-э...мне было страшно одной и...

– И ты завела себе любовника? Отворяй немедленно!

Дверь дрогнула – в нее врезалось что-то большое и тяжелое.

Полуодетый Рихард бросил взгляд на окно, но тут же отгнул эту мысль. Третий этаж. И выходят окна отнюдь не на городскую улицу, а во внутренний дворик графского особняка. Там он окажется как в ловушке. Нет уж, надо выбираться тем же путем, что и пришел.

– Перестаньте! Что вы делаете? Вы сломаете дверь! – вскрикнула Магдалена.

– И ломаю, если ты не откроешь немедленно! – бушевал снаружи ее муж, пока сопровождавшие его мужчины размеренно били в дверь чем-то тяжелым. – Честной женщине не от кого запирается!

Наскоро одевшийся, Рихард успел обнажить фальшион* прежде, чем дверь была сломана. Магдалена пронзительно завизжала, когда одна из створок сорвалась с петель. Еще толчок – и она упала внутрь комнаты, и в спальню ворвались трое наемников-телохранителей.

(*Фальшион – здесь, боевой нож, замена мечу, который могли носить только рыцари.)

– Как вы смеете? – завопила Магдалена, судорожно пытаясь прикрыться. – Кто вам дал право...

– Аа-а-а...

Крик оборвался, когда Рихард, успевший отскочить в сторону, атаковал ближайшего наемника, коротким резким выпадом вонзив оружие тому в бок. Шагнул назад и в сторону, выдернул клинок и тут же вскинул его, попутно отталкивая начавшее падать тело. Смертельно раненый мужчина упал на руки своих товарищей, а его убийца кинулся на людей в дверном проеме.

– Вот он! Хватай! Лови! – закричал обманутый муж.

Последовал еще один быстрый решительный выпад, и второй наемник согнулся пополам, хватаясь за распоротый живот. Рихард проскользнул мимо него, отпихнув отчаянно заоравшего мужа, и устремился вниз по лестнице.

– Хватай! Лови! Держи его! – неслось вслед. – Я так и знал! Меня предупреждали! У тебя опять этот студент!

– Но дорогой, я...

Что пыталась ответить и чем оправдывалась его любовница, услышать с лестницы было трудно, да и некогда. Шум не мог не привлечь внимания прислуги. На первом этаже навстречу беглецу кинулись двое слуг с дубинками. Двумя короткими выверенными взмахами фальшиона он обезоружил одного, ранил второго и кинулся к выходу.

Узкая лестница вывела его к двери. Рихард с разгону ударился в нее всем телом...

Заперта!

Правда, изнутри – вот же засов. Но, пытаясь отодвинуть его, беглец потерял несколько секунд. И он уже сражался с засовом, когда за спиной загрохотали шаги.

– Хватай его! Держи!

Рихард стремительно развернулся навстречу преследователям. Здесь, на первом этаже, было темно, но он прекрасно видел во мраке. К тому же наверху лестницы кем-то был оставлен факел, и силуэты его врагов виднелись довольно четко – для того, кто умеет видеть. А если этот кто-то обладает еще и тепловым зрением...

Первого наемника он просто насадил на острие, как гуся на вертел. Тот, однако, был профессионалом и успел скорее почувствовать летящую в живот полосу стали, а потому успел извернуться, уменьшая площадь поражения. Впрочем, особой пользы ему это не принесло – в тесноте, на ступенях, да еще и с напарником за спиной, этот фокус привел лишь к тому, что лезвие скользнуло вдоль живота, врезая ткань куртки, рубашку и глубоко процарапывая кожу и мышцы брюшины. Наемник вскрикнул, роняя оружие и хватаясь обеими руками за живот. Но даже в этом состоянии он сохранил способность мыслить и отшатнулся назад, прижимаясь к стене и, таким образом, давая напарнику дорогу.

Тот то ли также хорошо видел в темноте, как его жертва, то ли был опытнее, но атаковал сверху вниз, ухитрившись сбить клинком клинок противника и связать его боем. Прижавшись спиной к двери, Рихард одной рукой отбивался, вслепую шаря второй по косяку в поисках засова.

Нашел! Пальцы обхватили деревяшку, дернули. Эх, неудобно! Ему бы всего пару секунд...

– Х-ха! – резко выдохнул он, переходя в контратаку. Рискованно, учитывая, что в двух шагах к стене привалился второй наемник, а по лестнице уже грохочут шаги третьего. Даже при таком раскладе в тесноте его запросто могут повязать.

Но – обошлось. Сделав прыжок вперед, он тут же отскочил, но не назад, а вбок, привалившись к косяку, и резким движением толкнул засов. Тот выскочил из пазов, освобождая дверь – и беглец юркнул в щель, в самый последний миг чувствуя, как лезвие вспарывает на плече куртку.

Осматривать себя на предмет повреждений, равно как и пытаться заблокировать преследователей в доме, времени не было. Он оказался на узкой городской улочке, темной и грязной. В обычное время тут с трудом могли разъехаться две подводы, а случайно попавшимся им на пути пешеходам приходилось либо лезть на стену, либо вскакивать на крылечки – с одного такого Рихард как раз сейчас и скатился.

Дверь за спиной распахнулась, выпуская двоих наемников. Но беглец к тому времени уже несся прочь, не разбирая дороги.

Он мчался по ночному городу, сломя голову, в то время как мысль работала четко и быстро. Ему удалось вырваться из ловушки, в которую чуть было не превратился особняк маркграфа фон Хайнца, и теперь надо было оторваться от преследователей. Их двое – он один. И они явно профессионалы. Значит, в открытом бою от них не отвяжешься. В первый раз, в спальне графини, ему повезло потому, что сыграл свою роль фактор неожиданности и отменные реакции. Во второй раз на помощь пришло умение видеть в темноте. Но под открытым небом намного светлее, чем в передней графского дома. Да и его враги уже будут знать, чего можно ждать от него. Нет, можно надеяться на бой, но вот на победу в нем рассчитывать не стоило.

Значит, нужно оторваться от преследователей, причем до того, как ночная стража их засечет и тоже пустится в погоню. И, конечно, встанет на сторону наемников – те хотя бы честно отработывают свои деньги, а не воруют чужие...

Воруют... Профессиональные воры не любят этого слова. Они предпочитают говорить: «Берем то, что плохо лежит». Рихард нервно хохотнул на бегу – его случай тоже можно было отнести к такому «воровству». Только он пользовался тем, что кое-что хорошо лежало у маркграфа фон Хайнца.

Лежать... Ну, конечно! Как он сразу-то...

За спиной топала погоня. Бежали преследователи профессионально – не выкладывались по полной, не спешили непременно догнать, а именно загоняли свою жертву, как волки оленя. Будь их не двое, а трое-четверо, непременно попытались бы разделить и вывести беглеца к засаде. А так – просто ждали, пока он устанет.

Да, он может устать. Но *туда* дотянуть обязан.

Промчавшись мимо двух таких привлекательных узких переулочков, Рихард на миг приостановился на перекрестке возле часовни, озираясь по сторонам. Это место было ему знакомо. Часовня Прове-справедливого*. Направо – улица Скорби. Дальше – Лобная площадь, откуда прямая дорога к...

(*Прове-справедливый – один из богов, покровитель правосудия, клятв и закона. Покровительствует как блюстителям закона, так и его нарушителям в равной степени.)

Улица Скорби – прямая, как стрела, одна из немногих имела широкие тротуары, специально для того, чтобы на них стояли горожане. По этой улице из городской тюрьмы или ратуши – смотря, где содержался преступник – везли осужденных на казнь, на Лобную площадь. Там на равном расстоянии друг от друга стояли три помоста – один для пыток и казней, другой – для телесных наказаний, не приводящих к смерти преступника и третий – позорный столб, который редко пустовал. Вот и сейчас у двух из четырех позорных столбов был прикручен какие-то люди. Судя по одежде – мужчина и женщина. Один из осужденных – мужчина – то ли дремал, то ли потерял сознание, обмякнув на цепях и уронив голову на висевшую на груди табличку. Женщина была явно крепче духом и оставалась в сознании. Эти беглеца не выдадут, а вот двое стражников...

– Стой! Куда?

Рихард проворно метнулся вбок, чтобы избежать встречи со скучающими охранниками. Те, видимо, решили, что кто-то из дружков осужденных решил освободить их от страданий и мужественно загородили дорогу к эшафоту...

При этом перекрыв и кратчайший путь к цели.

– Держи его! – раздались голоса за спиной. – Лови! Именем закона!

– Бес! – выругался Рихард, прибавляя шагу. Теперь преследователей стало трое – один из охранников помчался ему наперерез, размахивая алебардой. Грозное оружие, но на открытом пространстве. В узких городских переулках им не больно-то помашешь. Хотя, учитывая, что на конце лезвия есть острое длиной почти в две пяди, то им можно неплохо колоть...

Бес! О чем он только думает! Рихард вильнул вбок, оббегая стражника по дуге. От Лобной площади до его цели не так уж и много – добраться во-он до той улочки, пробежать и свернуть к оврагу, за которым...

Успел.

Уже заворачивая в нужный проулок, он резко прибавил шагу, выкладываясь в последнем рывке. Главное – не сохранить силы, а выиграть хотя бы несколько секунд времени.

Каменная стена встала перед ним, перегораживая улочку. Справа и слева теснились маленькие домишки, окруженные кучами мусора и кустами. Под ногами хлюпала грязь, воняло гнилыми овощами и грязным закисшим тряпьем. В такие переулочки ночная стража не забредает – себе дороже. Но для беглеца здесь есть шанс.

Он достаточно хорошо разогнался и, не останавливаясь, подпрыгнул, пытаясь достать до верха стены. В правой руке все еще был зажат фальшион – тратить драгоценные секунды и прятать оружие в ножны было некогда, почему он в первые секунды просто повис на стене, суча ногами. Нащупал выемку в камнях, оперся, бросая тело вперед и вверх, подтянулся практически на одной руке, до крови впиваясь пальцами в камни. Закинул руку с фальшионом повыше, изогнувшись и добрым словом помянув своего наставника. Вот когда пригодились многочисленные тренировки, до оскомины надоевшие полосы препятствий и непомерные, казалось бы, нагрузки. Теперь он буквально взлетел по стене наверх, перекатился через верх и, сгруппировавшись в полете, мягко и осторожно приземлился...

...на чью-то могилу.

Эманации смерти нахлынули отовсюду. Городское кладбище было действующим, тут до сих пор хоронили покойников, и многие мертвецы были совсем еще «свежими». Рихард поморщился. Вскочил упругим движением природного бегуна и устремился вперед, лавируя между заросшими холмиками и торчащими тут и там надгробными камнями и простыми деревянными домовинами. У него было несколько секунд, может быть, пара минут, чтобы отыскать себе тут укрытие и переждать погоню.

По счастью, он знал несколько таких мест и устремился к ближайшему.

Наемники двигались быстро и ловко, но недостаточно быстро по сравнению со студентом, которому нечего было терять. Промчавшись между холмиками и надгробиями, он выскочил

на неширокую аллею, отделявшую один участок кладбища от другого. Быстро бросил взгляд по сторонам. Та-ак, знакомые ориентиры. Вон то дерево и шпиль рядом. Отлично!

Дальше можно было двигаться с закрытыми глазами, что он бы и сделал, не виси на хвосте погоня, а происходи все белым днем. Добрался до конца аллеи, свернул направо, отсчитал шестое от края надгробие и от него двинулся напрямик, держа курс на скрытый за кронами деревьев шпиль.

В старой части кладбища деревья росли густо, со всех сторон закрывая могилы. Тут хорошили в старые времена, сто или даже намного больше лет тому назад, когда земля стоила не так уж и дорого, а само кладбище располагалось на окраине. Миновало почти два столетия, и дома окружили его со всех сторон. Муниципалитет выделил кладбищу пустырь и часть улицы Речников, где прошел большой пожар, но места все равно не хватало. Поэтому ближе к ограде могилы теснились вплотную друг к другу – буквально на ширину ступни гробкопателя – зато в центре от надгробия до надгробия было шагов пять, а то и десять. Сложенные из песчаника, известняка, мрамора и даже гранита, тут и там торчали склепы, порой нарочито грубые, порой являвшие собой настоящие произведения искусства. Между ними были высажены кусты, виднелись многолетники, а в вышине смыкались кроны старые дубы, липы, вязы, между которыми были проложены дорожки, посыпанные песком и галькой. Настоящий парк. Не хватало только скамеечек для отдыхающих и фонтана, чтобы освежал в летнюю жару.

Острый шпиль, венчавший Храм Смерти, показался за деревьями, и Рихард свернул с дорожки к одному из склепов. Нырнул в темное нутро, упав на четвереньки, проворно заполз внутрь и забился в угол.

Внутри его временное обиталище было поделено на две половины – в передней на земляном полу стоял низкий плоский камень-алтарь, в задней части, отгороженной каменной кладкой, покоились гробы со знатными покойниками. Вход в заднюю половину был низким, туда удобнее вползать на коленях. Правда, земляной пол тут оказался ниже, чем в передней части. Рихард смог даже выпрямиться во весь рост.

Глаза его к тому времени настолько привыкли к темноте, что он даже во мраке склепа сумел разглядеть несколько в ряд выставленных саркофагов, в каждом из которых покоился гроб. На верхней крышке каждого красовался барельеф, изображавший покойника. То это была женщина со сложенными на груди руками, то молодая девушка, то рыцарь в доспехе и плаще паладина*, то старец с благообразными, как у святого, чертами лица. В головах у каждого имелась надпись – имя, титул, годы жизни покойного.

(*Паладин – здесь, член рыцарского ордена).

Рихард облокотился на ближайший саркофаг, переводя дух и прислушиваясь. Потом прижался ухом к камням, пытаясь уловить шаги преследователей. Тишина. То ли они потеряли его след, то ли...

Крик.

Отчаянный вопль напуганного до ужаса человека. Ему вторили другие голоса. Кричали то ли из чувства сопричастности, так сказать, за компанию, то ли их всех напугало что-то одно.

Рихард улыбнулся в темноте. Он знал, куда заманивать погоню. Тихо полез за пазуху, нашарил амулет на шнурке, стиснул в кулаке. Охранные чары на него были наложены типовые, так сказать, необходимый минимум, но и его хватило, чтобы он среди могил оказался своим, а его преследователи – чужаками, которых атаковали...

Стоп. Кто атаковал?

Если рассуждать здраво, глупый вопрос – мало ли на кладбище призраков, неуспокоенных душ, ходячих мертвецов? Они встречаются на любом старом кладбище, однако, подавляющее большинство их безобидны и могут разве что показаться где-то за могилами. А некоторые призраки и вовсе идут на контакт только при соблюдении определенных условий. И даже сейчас он чувствовал под боком чье-то присутствие. Но чтобы атаковать. Да еще здесь, на

городском кладбище Зверина? В Зверине, между прочим, находится не что-нибудь, а Колледж Некромагии, и, если вдруг на главном городском кладбище появится беспокойное, агрессивное или просто чересчур общительное привидение, туда сразу кинутся орды юных некромантов во главе с наставниками. И они не успокоятся, пока как следует попрактиковавшись, не прогонят беспокойника то в загробный мир, то из него по двадцать-тридцать раз подряд, пока зачет по вызову духов не сдаст вся группа. Короче говоря, местное кладбище простерилизовано уже давно. И чтобы здесь и сейчас завелось нечто, способное атаковать человека...

Объяснение этому было только одно – только что, может быть, всего за несколько минут до того, как Рихарду перепрыгнуть через ограду, беспокойника что-то разбудило. Какое-то магическое действие, ритуал или...или сознательное нарушение покоя кладбища.

Как бы то ни было, беглецу оно оказалось на руку. Активированное привидение атаковало его преследователей и не заметило их жертву, поскольку типовой амулет сыграл роль щита, надежно прикрывшего студента от чужих взглядов.

На всякий случай Рихард торопливо обвел себя защитным контуром, нашептывая простейший заговор-защиту. Вот так. Ему надо продержаться тут лишь час-полтора, постаравшись не заснуть.

Усевшись в центре круга, он погрузился в размышления о своей нелегкой судьбе. Да, надо признать, что ночь не задалась с вечера. Слишком внезапно засобирался в Хочев якобы по делам маркграф фон Хайнц. Еще утром все было хорошо, а к обеду он сорвался и покинул дом. Графиня тут же послала Рихарду записку, приглашая встретиться. Поскольку у него как раз закончились деньги, а до посылки из дома оставалось полторы седмицы, он не сомневался ни капли. Магдалена фон Хайнц была женщина во всех отношениях превосходная. Бездетная двадцатипятилетняя графиня досталась в жены старику, который был старше ее почти в два раза – за месяц до свадьбы графу Отто миновало ровно пятьдесят лет, и за четыре года моложе он не стал. Молодая жена скучала, тосковала, чахла в четырех стенах, пока случай не свел ее со студентом второго курса Колледжа Некромагии Рихардом Вагнером. Было это в позапрошлом году на осеннем турнире, где студенты подрабатывали, устраиваясь «противниками» для рыцарей, желавших на потеху публике показать свое мастерство. Рихард, который по заранее спланированному сценарию должен был проиграть, оборонялся так виртуозно, что его почтила вниманием знатная дама.

Почти два года они были вместе. Магдалене фон Хайнц удавалось долго водить мужа за нос, устраивая свидания почти у него под боком. Она никогда не допускала ошибок, и нынешняя была, пожалуй, первой и единственной. Муж, однако, что-то начал подозревать, и необходимость ходить по лезвию ножа приятно горячила кровь и придавала их отношениям остроту и новизну. Они виделись раз или два раза в месяц, выбирая постоянные дворы, заброшенные дома на окраинах, особняки родных и друзей самой Магдалены. Графиня платила за доставленное удовольствие полновесным серебром, иной раз подкидывая кое-что из бытовых мелочей – то пару перчаток, то пояс, то кошель. Рихард принимал подарки с благодарностью – у бедного студента почти никогда не бывало достаточно денег. Родители, конечно, оплачивали его учебу, и выдавали кое-что на расходы, но этих средств всегда не хватало – ведь только крышей над головой и обедами студентов обеспечивали в Колледже бесплатно. Все остальное, вплоть до бумаги и перьев, они должны были приобретать сами. Если бы не подарки Магдалены, Рихарду пришлось бы туго.

И вот теперь, кажется, золотой ручеек иссякнет. Маркграф выследил сладкую парочку. Не было сомнений, что он теперь не спустит с жены глаз, а заодно бросится на поиски ее любовника. Связи у Отто фон Хайнца были отменные, так что следовало теперь быть особенно осторожным. И это в данный момент беспокоило студента четвертого курса Колледжа Некромагии больше, чем все кладбищенские странности, вместе взятые.

Он сидел в защитном круге долго, пока не затекли от неудобной позы спина, плечи и ноги. Насторожив все семь чувств*, чутко прислушивался, присматривался и пытался учуять присутствие посторонних. Но возмущение эфира, вызванное чьим-то сознательным нарушением покоя кладбища, постепенно сошло на нет. Привидение – или на кого там напоролись его преследователи – явно удовольствовало тем, что прогнало людей за пределы кладбища, после чего, немного покружив, развеялось само.

(*У магов чувств больше, чем у обычных людей.)

Это было прекрасно. Рихард еще раз проверил магический фон, жалея, что у него нет подходящих инструментов. Даже простая лоза пришлась бы как нельзя кстати. Но с голыми руками войну не выигрывают. Пришлось удовольствоваться только обычными методами – обострившееся ночное «некромантское» зрение, слух, обоняние – а они показывали, что опасность миновала.

По его расчетам, он сидел в защитном круге почти два часа. Этого времени было достаточно – полночь давно миновала и активность всех потусторонних сущностей клонилась к закату. Не зря все практики назначают на время от заката до полуночи. Именно в эту пору нежить и нечисть уже активна и ее магический фон растет. Обстановка при этом максимально приближена к «боевой», что немаловажно.

Потянувшись до хруста в суставах, Рихард осторожно шагнул за пределы защитного круга, нарушая его целостность. Тщательно затер все следы своего присутствия и двинулся в сторону выхода. Ориентиром ему служил Храм Смерти – не маленькая часовенка, как на большинстве кладбищ, а настоящий храм, по праздникам вмещавший до сотни человек, не считая монахов-«смертников», которые живут при кладбище, ухаживают за могилами и служат Смерти. Все они считают ее своей божественной невестой и проповедуют полное воздержание – дескать, негоже изменять богине с простыми смертными женщинами. В этом наверняка что-то есть – Рихард слышал о так называемых «супругах Смерти». Кто это такие, студент не знал. Может быть, это другое название «смертников» и тогда...

В самую последнюю минуту он успел заметить, что нога готова шагнуть в пустоту, и Рихард отпрыгнул назад, хватаясь за ствол оказавшегося поблизости дерева. Он чуть было не упал в бездну!

Прошло минуты две прежде, чем он сосредоточился и попытался рассмотреть неожиданное препятствие. И то, что он увидел, ему сильно не понравилось.

Могила. Кем-то раскуроченная могила, причем, судя по всему, могила относительно свежая – трех- или пятидневной давности. Отвал земли, остатки поминальной трапезы, присыпанные землей, какая-то доска, гроб...

Гроб, распотрошенный, частично разломанный сбоку, валялся на краю могилы с противоположной стороны. Переведя дух, Рихард подобрался ко гробу и заглянул внутрь.

Хм. Так и есть. Он провел пальцами по внутренней стороне крышки, потом осторожно потрогал странные темные пятна на обрывках савана. Понюхал и лизнул. Кровь.

М-да, получалось весело. Дней пять тому назад в эту могилу случайно закопали живого человека. Так бывает – кто-то внезапно ложится спать и утром не просыпается. Родные горюют и паникуют, торопясь похоронить покойника, который даже выглядит подозрительно свежо – не тухнет, не желтеет, не распухает. Короче говоря, ведет себя, как упырь. Вбивать осиновый кол, надрезать сухожилия и проводить другие обряды должен храмовый некромант – или один из двух других практикующих зверинских некроманта – но иногда родственники решали сэкономить на магических услугах. И тогда несчастного ждала мучительная смерть от удушья. Право, осиновый кол в сердце по сравнению с этой перспективой кажется актом милосердия.

Но здесь кто-то потом пришел и выкопал покойника. Выбраться самостоятельно тот или та не мог. Значит, кто-то ему помог. Но успел ли он вовремя и спас жизнь человеку или получил на руки свежий труп, к тому же умерший раньше срока и неестественной смертью? Изо-

дранная крышка и кровь свидетельствовали о втором варианте. И это явление привидения, набросившегося на его несостоявшихся преследователей... Интересно, кого потревожили гробокопатели? Неуспокоенный дух того человека, что нашел тут свою смерть? Или это всего лишь побочный эффект?

И опять рассудок проголосовал за второй вариант. Это значило, что кто-то здесь и сейчас проводил колдовской обряд. Ему нужен был свежий покойник, умерший не в свой срок и неестественной смертью. Вопрос: для чего? И, самое главное, кому?

То, что в городе находился известный на половину обитаемого мира Колледж Некромагии, еще не означало, что в Зверине находится рассадник магии. Некромантов в городе было столько же, сколько в Бреzene, Берлине, Любеке и других городах. А это значит, что покойник, умерший не своей смертью, мог понадобиться либо одному из городских некрмантов, либо самоучке, который явно преследует свои цели.

Последнее было хуже всего. Ибо с тех пор, как был открыт Колледж Некромагии, заниматься этой – и некоторыми другими магическими науками, например, алхимией, – могли лишь те, кто этот самый Колледж заканчивал. Доказательством чему служил диплом соответствующего образца. Тот же, у кого диплома не было, объявлялся еретиком, и Инквизиция открывала на него охоту. Отсюда повторяем вопрос: кому *на самом деле* понадобился этот покойник?

Отвечать на него не хотелось. Рихард устал, у него болело плечо, хотелось спать, после медитации кружилась голова. Расследовать это дело? Ни за что! Утром «смертники» найдут раскуроченную могилу, проведут обряд очищения, после чего аккуратно засыпят яму и приведут все в порядок. Если же они отыщут что-то подозрительное, находка пойдет по инстанциям до самого верха. И уже другие головы пусть болят за то, что надо делать. А ему пора спать.

На всякий случай Рихард обнажил фальшион. Не то, что он так надеялся на силу оружия, просто на городских улицах и можно встретить, кого угодно. От бродячих собак до стражи. А ему не хотелось сейчас сталкиваться ни с кем.

Колледж Некромагии располагался в конце одной из центральных улиц города, именуемой Монастырской. Одну сторону ее почти полностью занимал мужской монастырь, часть земель которого и даже кое-какие постройки недавно были переданы Колледжу под учебные заведения. На второй стороне улицы стояло несколько особняков и парочка доходных домов, где часть комнат сдавалась студентам.

До территории Колледжа Рихард добрался без приключений – бродячие кошки и городская нечисть чувствовала в нем некрманта-недоучку и спешили убраться подальше, а двуногих бродяг он успевал засесть заранее и убирался с их дороги сам. Некроманты, как никто другой, знают, насколько хрупка и ценна жизнь, чтобы рисковать ею направо и налево.

Колледж состоял из нескольких корпусов – главного учебного, к которому примыкали два недавних, монастырских, приобретения. В одном занимались прорицатели и ветеринары, другой делили боевые маги и целители, оставив главный корпус некрмантам и алхимикам. У каждого здания по бокам имелись деревянные хозяйственные пристройки, и все вместе образовывали равнобедренный треугольник, который вершиной смотрел на главные ворота Колледжа.

Слева от ворот находился учебный плац, несколько хозяйственных построек и оранжереи для выращивания некоторых растений, применяемых в колдовстве. Направо, если стоять спиной к воротам, располагались два студенческих общежития, соединенные вместе столовой, дом, где жили преподаватели, конюшни и склады. Все это было обнесено собственным забором, даже скорее решеткой высотой в человеческий рост. Имелись и ворота, сейчас запертые на замок.

Сторожа нигде не было видно, но Рихард и не думал его искать. Подпрыгнув, он подтянулся на руках и перелез через забор, спрыгнув на лужайку перед корпусом. Неширокая,

всего десяток локтей, она заросла сорными травами и какими-то кустиками. Несколько деревьев росли вдоль ограды, и их кроны бросали густую тень.

Пригнувшись, Рихард бегом одолел последние несколько шагов, оббежал здание и надавил на раму углового окна. Рамы в студенческом общежитии были старыми, рассохшимися – здание уже несколько лет нуждалось в ремонте. Но пока все дело ограничивалось тем, что красили окна, двери, полы и меняли кое-что из мебели. А вот некоторые рамы давно уже держались на честном слове, чем и пользовались студенты. Рихард привычно подхватил начавшую заваливаться раму, аккуратно прислонил ее к стене и запрыгнул в окно. После чего также привычно поставил раму на место. До следующего раза.

Эта комната была нежилой, и ее давно приноровились использовать как кладовку. Несмотря на то, что из-за тесноты многим студентам приходилось подыскивать себе жилье в городе, сюда никто не пожелал надолго селиться. И не из-за того, что как раз напротив располагалась общая уборная, ароматы которой пропитали все вокруг, сколько из-за весьма специфической ауры этого места.

Несколько лет назад в этой самой комнате повесился студент. Сам Рихард в те годы был подростком, еще не помышлявшим ни о какой некромантии, и к тому моменту, когда он все-таки поступил в Колледж, сия жуткая история успела обрасти таким количеством слухов, фактов и легенд, что не поверить было просто невозможно.

– Привет, – шепнул Рихард темной комнате. – Это снова я. Мне только мимо пройти.

Темнота вздохнула. Нет, в комнате никого не было – если призрак самоубийцы и витал в этом месте, то сейчас было не его время. Днем тут даже можно было находиться дольше, чем несколько минут. Но добрым словом можно добиться многого. Тем более, что тут имелась одна тонкость, о которой не знал никто посторонний – даже студенты, проживавшие в соседнем корпусе, и то не посвящались в эту тайну.

Дело в том, что призрак самоубийцы – или что за сущность на самом деле обитает в этой комнате – действительно играл роль сторожа. И атаковал тех, кто забывал – или не знал, что это необходимо – с ним поздороваться.

Рихард скользнул между наваленными как попало трухлявыми матрасами, изъеденными молью одеялами, обломками стульев и прочей рухлядью и толкнул дверь.

– Пока. До скорого, – шепнул он темноте, бочком выбираясь в коридор.

...не только поздороваться, но и попрощаться. Это тоже было важно.

Старое кладбище только-только успокоилось. Сова, обитавшая в ветвях одной из елей, вернулась было с охоты, присела на сук, но крик застрял у нее в горле. Она заметила три тени, скользившие между могил. Вернее, теней было четверо – в то время, как один из гробокопателей шел впереди с лопатами, заступом и фонарем, двое других тащили носилки, на которых покоилось чье-то тело, завернутое то ли в старый ковер, то ли в лошадиную попону. Но уж точно не в саван.

– Далеко еще? – поинтересовался один из носильщиков.

– Еще немного, – ответил тот, что с фонарем.

– Да сколько же можно?

– Столько, сколько нужно! Ты же не хочешь, чтобы его нашли?

– Нет...

– Вот и помалкивай... Кажется, это здесь!

Человек с фонарем свернул на боковую аллею, прошел между двумя склепами и остановился перед раскуроченной могилой.

– Точно, вот могила! Сюда!

– А ты уверен, – носильщики заколебались, – что про эту яму больше никто не знает?

– Уверен. Принимайтесь за работу!

Утвердив фонарь на краю соседнего склепа, он сбросил лопаты на землю и поднял одну из них. Его напарники поставили носилки и тоже взялись за дело.

– Словно проклятые некроманты, – ворчали они, – делать больше нечего...

– Хватит болтать! – шикнул на них человек с фонарем.

Сверток слабо шевельнулся, когда его перевалили в гроб, но никто не обратил на это внимания. Все слишком торопились.

Глава 2.

Студенты четвертого курса жили на пятом этаже пятиэтажного общежития, каждый год переселяясь на этаж выше и освобождая его для тех, кто был годом моложе. Где они будут обитать через год, обучаясь уже на пятом курсе, преподавателей, похоже, не волновало. Все равно почти полгода они должны проходить практику, а там до выпускных экзаменов рукой подать. Рихарда по ряду причин столь отдаленное будущее не интересовало.

Ступеньки лестницы скрипели на разные голоса, но он привычно прыгал по ним, то семеня по каждой, то перескакивая одну-две, чтобы «мелодия» получилась как можно тише. Вахтера, следящего за порядком, не имелось, но не стоило привлекать внимание и будить остальных, тем более, коменданта. Неписанное правило общежития: «Не мешай – и тебе тоже никто не помешает!» – соблюдалось неукоснительно.

Оказавшись в своей комнате, он скинул сапоги, куртку, отстегнул пояс и улегся прямо на не разобранный постель. До рассвета оставалось еще часа два – осенью уже светает не так рано. Отлично. Есть шанс сомкнуть глаза хотя бы на минутку.

Он действительно их закрыл. И действительно на минуту, пробудившись от удивленного возгласа:

– О, Рихард! Все-таки пришел? А я думал...

– Я думал, ты мне дашь поспать, – не открывая глаз, проворчал он, наощупь отыскивая под собой одеяло и пытаясь натянуть его на голову.

– Я бы с удовольствием, но... ты на занятия идешь?

– Какие занятия? Ночь на дворе!

– Была. Уже утро.

Пришлось открывать глаза. Сосед по комнате оказался прав. В окно вползал серенький осенний рассвет.

– Вот бес, – выругался Рихард, садясь на постели. – Уже?

– Уже, – сосед сидел на своей кровати и ожесточенно тер ладонями лицо. – Пора вставать.

Ты когда пришел?

– Не помню. На ратуше три часа, кажется, пробило, когда я с кладбища убирался.

– С кладбища? А что ты там...

– Долго рассказывать, – Рихард тоже потер лицо руками, с усилием встал, добрался до стоявшего в углу кувшина и тазика с водой, плеснул на щеки, почесал бородку. – Ночка выдалась – мама, не горюй!

– Да уж заметно. Переоденься. В таком виде тебя в аудиторию не пустят. Даже в подвальную.

Рихард оглядел себя. Белая батистовая рубашка, которую он надел на свидание – тоже, кстати, подарок Магдалены – стала серой с бурыми пятнами, а один манжет оторван. На штанах – следы земли и пыли. Куртка в паутине, да к тому же порезана на плече и спине. Колет...

Колета не было.

– Бес! А, чтоб тебя... – он с чувством выматерился, кроя последними словами себя, маркграфа, графиню, наемников и вообще все подряд. Забыть свои вещи у любовницы! Как еще штаны не забыл!

– Проблемы? – посочувствовал сосед. – Это опять из-за нее?

– Опять из-за нее, – мрачней, кивнул Рихард. – Муж вернулся.

– А вы с нею... того...

– Ага. В супружеской постели.

– Вот гадство! – друг был в курсе любовных походов Рихарда и даже иногда по мере сил помогал ему, прикрывая на вечерних практических занятиях, если тот задерживался в объятиях пылкой графини фон Хайнц. За это Рихард раз в неделю кормил друга обедом в трактире за свой счет и порой подбрасывал кое-что из «лишних» подарков, ибо на подобный «приработок» некрасивый маленький ростом Оливер Жижка рассчитывать не мог.

– И чего теперь делать?

– Понятия не имею, – Рихард принялся стаскивать грязную одежду. Пинком выволок из-под кровати сундучок с вещами, принялся копать. – Слушай, одолжи мне хотя бы жилетку!

– Лови! – упомянутый предмет гардероба полетел в спину.

Не сменив только сапоги и лишь протерев их и без того грязной рубашкой – обувь стала чище, рубашка нет, – Рихард подхватил холщовую сумку с учебниками, напялил на плечи студенческую мантию и поплелся за приятелем, который, в отличие от него, был возмутительно бодр, свеж и подтянут. Ну, еще бы! В торчащих ушах, круглом носе и веснушках по всему лицу иногда есть преимущества. Ночами ты спокойно спишь, а вечера тратишь на учебу, вместо того, чтобы бегать на свидания. Не то, чтобы Рихард со своим высоким ростом, сложением настоящего воина, светлыми кудрями и короткой аккуратной бородкой хотел поменяться с приятелем местами. Свою привлекательную внешность парень воспринимал, как инструмент и умел ею пользоваться. Просто Оливер никогда не боялся учебы и оставался спокоен на любом экзамене. Все-таки полезно иметь в друзьях отличника, который, к тому же, не зануда, всегда готов прийти на помощь и не против развлечений в разумных пределах!

По всем этажам общежития хлопали двери. Из комнат выскакивали студенты – по двое-трое, некоторые на ходу поправляли верхнюю одежду и, проходя мимо, стучали кулаками в запертые двери.

На общей лестнице встречались два потока – юноши из правого крыла, а девушки из левого. Девушек было намного меньше – на одну студентку приходилось трое-четверо студентов, так что у каждой, даже последней дурнушки, был шанс обзавестись кавалером. Многие этим пользовались, чтобы, вместо получения диплома благополучно выскочить замуж за самого умного и перспективного сокурсника. Весьма и весьма немногие девчонки приходили в Колледж действительно учиться. На таких смотрели, как на белых ворон и разве что пальцами не показывали.

– Мальчики! – худощавая остроносая девушка с длинными, до пояса, каштановыми косами помахала им рукой.

Ханна Руге была из тех, для кого учеба действительно что-то значила. В их группе к четвертому курсу она осталась одна из четырех девушек. Одна сама забрала документы после первой практики, сообразив, что некромантия не столь романтична, как кажется, глядя на рекламные плакаты, и там на самом деле придется убивать, пусть и всего-навсего упырей. Вторую отчислили за хроническую неуспеваемость. Третьей повезло – она летом ухитрилась выскочить замуж, обеспечив себе безбедную жизнь. За Ханной пытались ухаживать некоторые студенты, но с каждым годом их число уменьшалось – никому не хотелось иметь жену-некромантку из опасения, что она не даст житья даже после смерти в самом прямом смысле этого слова.

Сейчас Ханна была не одна. По пятам за нею протискивалась незнакомая светловолосая девушка. Ее хорошенькое личико немного портила разве что презрительная гримаска, с которой его обладательница озиралась по сторонам.

– Привет, мальчики! – привстав на цыпочки, Ханна чмокнула в щеку Рихарда и дружески потрепала вечно растрепанные волосы Оливера. – А у нас новенькая! Знакомьтесь! Изольда Швец!

Парни переглянулись и хором присвистнули, оценив внешние данные новой соученицы.

– Оп-па! – воскликнул Рихард. – И как это мы пропустили?

– Не «мы», а ты, – поправил его друг. – Я слышал какие-то слухи о перетасовке на факультетах, но чтобы оно коснулось и нас...

– Ее перевели в нашу группу, чтобы я не чувствовала себя такой одинокой, – пояснила Ханна. – Изольда, знакомься, это...

Новенькая уже обратила в сторону студентов внимательный взгляд, и презрение в ее синих глазах сменилось живым интересом:

– Ого, подруга! А ты не говорила, что у вас тут такие красавцы водятся! Вы какой предмет читаете, наставник?

Рихард вытаращился на ее призывно вздрогнувшую грудь, которая внезапно обозначилась под форменной накидкой, а Оливер заржал самым беспардонным образом:

– Ри-ихард... Он у нас читает... он такое читает...

– Любовную магию, – поддакнул тот. – И предпочитаю о любви не читать, а ею заниматься. И, поверь, красавица, в этом деле я круче любого наставника.

– Что? – Изольда подавилась вдохом и развернулась к Ханне. – Он – студент? Но ты говорила мне, что тут настоящие мужчины!

– А мы, – парни переглянулись, – типа големы?

– Поверь, – Оливер шагнул вперед, – мы самые настоящие! Нас даже можно потрогать!

Он потянулся к девушке, но та отпрянула:

– Отвали, мелкий! Я имела в виду преподавателей!

Ханна прикусила губу, не зная, что сказать.

– Пошли, подруга, – Изольда все решила за нее, подцепив девушку под локоток. – Пусть себе идут, куда шли. Этот блондин ничего, но лично я предпочитаю мужчин без бороды!..

Голос девушки затих в отдалении, слившись с гулом голосов спешащих на завтрак студентов.

– Да ну, не бери в голову, – Рихард дружески пихнул Оливера локтем в бок. – Вот стерва!

– Подумаешь, – философски пожал плечами тот. – Фифа. На мой век девчонок хватит! Если не прибежит сама, как миленькая, на фига она мне сдалась?

Низкорослый некрасивый Оливер знал, что говорил. На всем курсе все девчонки рано или поздно узнавали, что этот ушастый парень умнее трех любых других студентов, вместе взятых. И если у этой новенькой есть голова на плечах, она обязательно поймет, что с Оливером Жижкой стоит дружить. К сожалению, только дружбой дело и ограничивалось.

Завтрак был накрыт в Янтарной трапезной. Откуда пошло такое название – оставалось загадкой. Но факт оставался фактом – трапезная в обычной студенческой столовой носила название Янтарной несмотря на то, что даже цвет ее стен не имел ничего общего с этим камнем.

Длинные столы уже были сервированы, и студентам оставалось лишь рассесться и разобрать миски с кашей, хлеб и кружки с травяным настоем. По традиции девушки и парни завтракали отдельно. Ханна издали махнула рукой приятелям, но с места не сдвинулась. Еще бы! С такой подругой!

– Распалась наша троица, – вздохнул Оливер. – Теперь она...

– Ненадолго, – Рихард вздохнул, придвинув к себе миску с кашей, и ткнул в серое месиво ложкой. – Вот увидишь – через месяц прибежит обратно, как миленькая. И эту с собой при- тащит.

– А мне интересно, откуда ее перевели, – Оливер сидел, поджав под себя ногу, чтобы казаться немного повыше. – Она явно не из нашего Колледжа!

– Какой-нибудь пансион или частная школа, которую внезапно закрыли, – прикинул Рихард. – Или вовсе находилась на домашнем обучении и сюда поступила только ради диплома.

Последнее было больше похоже на правду. С некоторых пор получить работу по специальности можно было только при условии, что у тебя есть диплом из какого-либо высшего учебного заведения. Хуже всего приходилось некромантам без диплома – если целителям, ведьма- кам или знахарям в этом случае грозила лишь необходимость отучиться где-либо год за свой счет, то некроманта-самоучку могла ждать тюрьма или костер.

– Если так, ее тут ждет большой сюрприз, – ухмыльнулся Оливер и отправил в рот полную ложку каши. Вкуса у нее особого не было, но если принять во внимание, что в качестве альтернативы тут предлагалось перейти на сухари и воду, то выбора не существовало.

Девушки ели не так торопливо. То есть, Ханна-то целеустремленно глотала ложку за ложкой, а вот Изольда больше смотрела по сторонам, чем в тарелку.

– А преподаватели где? – шепотом поинтересовалась она.

– А? Что? – Ханна проглотила то, что у нее было во рту.

– Ну, когда они придут на завтрак?

– А, ты об этом... Не придут. Они питаются отдельно.

– Вот как. И где?

– Точно не знаю. По-моему, у них отдельная трапезная, в другом крыле здания. А тебе зачем?

– Посмотреть. Оценить... Кстати, подруга, ты же их всех в лицо знаешь?

– Ну.

– Скажи, – Изольда легла локтями и грудью на стол, приблизив губы к уху подруги, – кто из них симпатичнее – декан или ректор?

– Де... – девушка чуть не подавилась кашей и закашлялась. – А тебе зачем?

– Как – «зачем»? Замуж!

Ханна от души порадовалась тому, что в этот момент ничего не жевала.

– Замуж? За нашего декана?

– Ну, или за ректора, как повезет, – передернула плечами Изольда. – На худой конец подойдет какой-нибудь завкафедрой... Ты чего? – вытаращилась она на собеседницу, заметив, какое у той выражение лица. – Хочешь сказать, что они все женатые?

– Н-не все, но... – проблеяла Ханна.

– Вот и отлично! Не беспокойся, подруга, мы и тебе мужа подберем! Тебе кто больше нравится – молодой перспективный преподаватель или состоявшийся как личность декан? Учти, что ректор – мой!

– Так ты зачем, – до девушки стало понемногу доходить, – сюда поступила? Не чтобы получить образование, а чтобы выйти замуж?

– Выйти замуж за преподавателя! – поправила Изольда. – А ты разве нет?

– Нет, я...

– Ну и дура! – отмахнулась Изольда. – Для чего девушки поступают в разные акаде- мии, университеты и колледжи? Ради образования? В нем нет никакой пользы! Главное – удачно выйти замуж! И лучше, если это будет обеспеченный, умный, красивый, талантливый и таинственный мужчина. Здесь круче кого-нибудь из преподавателей никого не найти! Знаешь, сколько таких, как мы, удачно устроились, охмурив какого-нибудь учителя или ректора?

– Сколько? – машинально спросила Ханна.

– Десятки! Сотни! И мы с тобой не хуже. Тоже найдем себе парочку преподав. Главное – держись за меня. Я знаю, что нужно мужчинам! Не пройдет и полгода, как все профессора будут у наших ног – только выбирай!

Она выпрямилась, приосанившись, и окинула трапезную залу с таким видом, словно тут кругом сидели одни учителя.

Ханна не спорила.

Первой парой в тот день была космогония. Рихард вошел в аудиторию с особенным чувством – предмет вел у них старый пра* Томаш, который частенько увлекался и начинал говорить о чем угодно, только не по теме. Когда его таким образом «несло», студенты благоразумно помалкивали, под шумок занимаясь, кто чем – одни дремали, другие читали книги или наскоро переписывали домашнее задание. Лишь двое-трое самых ответственных садились поближе и писали, стараясь из льющегося на них потока красноречия вычленивать отдельные крупинки знаний. Заканчивалось все тем, что пра спохватывался за пять минут до конца лекции и, извинившись, задавал разобраться с темой самостоятельно. Естественно, никто этого не делал, что не мешало потом с чистой совестью заявить на экзамене: «Вы нам этого не задавали!»

(*Пра – здесь наименование священника любого ранга, от «правь» – сиречь, закон.)

Только тут приятели разделились – Оливер отправился на свое любимое место поближе к кафедре, а Рихард сел на самую последнюю парту, устроившись поудобнее, чтобы без помех вздремнуть. Бессонная ночь, беготня и нервотрепка брали свое. А не выспаться на нудной лекции – просто грех. Ханна и новенькая уселись поближе к окну. Подруга успела шепнуть кое-что о том, кто читает космогонию, и девица заранее презрительно морщила носик. Рихард задержал взгляд на Ханне. Хорошая ведь девчонка, но если попадет под влияние этой стервы, плохо кончит!

Послышался звон колокола. Лекция должна была начаться, но пра Томаш задерживался. Некоторые студенты воспользовались моментом и пристроились на партах вздремнуть, но большинство не спускало глаз с двери. Обычно священник был пунктуален и не заставлял себя долго ждать.

– Может, он того... помер? – высказал кто-то свежую мысль.

– Типун тебе на язык! – откликнулась добросердечная Ханна. – Если бы такое произошло, нам бы уже сообщили!

– А если он скоропостижно? Шел-шел, скажем, сюда, прихватило сердце, вот и...

– Скажи честно, – Ханна развернулась лицом к болтуну, – ты сам-то в это веришь?

– Она права, – подал голос Оливер. – Мы же проходили методику считывания показаний магического фона. Внезапная смерть от сердечного приступа или кровоизлияния в мозг выдает обычные вспышки в эфире. След держится от нескольких минут до двух-трех суток. А уж если смерть насильственная...

– Ты за языком-то следи, Жижка! – окликнули Оливера. – Кому понадобится убивать старика?

– Ну, если честно, желающие бы нашлись... Ученые доказали, что преподавателей частенько хотят убить. В роли убийц выступают, как правило, безалаберные студенты, их недовольные родители, налоговые инспекторы, блюстители порядка... я уж не говорю про самих коллег.

– То есть, Жижка, ты считаешь, что это сделал кто-то из нас? – упитанный парнишка, весь облик которого ну никак не вязался с образом некроманта, покачал головой. – Хочешь навесить на нас убийство только потому, что тебе все экзамены и зачеты ставят «автоматом», а нам приходится за двоих отдуваться.

– Какое убийство, Нодлик? Ты вообще о чем?

– Да о внезапной смерти пра Томаша! Сам же говорил...

– Я говорил, *если* имелась внезапная смерть, – поднял палец Оливер. – При этом ментальная вспышка не является стандартной. От ее высоты, яркости, наличия цветовой гаммы можно легко определить, как давно наступила смерть, и, самое главное, что послужило причиной! «Если», а не «точно»!

– Ой, не пойму, чего вы спорите! – Ханна поднялась с места. – Не проще ли пойти и посмотреть?

Изольда дернула девушку за рукав мантии, что-то быстро зашептала.

– Э-э... кто-нибудь возьмет на себя смелость, – проблеяла Ханна, – и отправится проверить... ну... что там такое происходит?

– Я могу, – сидевший ближе всех парень из параллельной группы решительно встал, направился к двери, распахнул ее, сделал шаг за порог – и тут же резво отскочил назад:

– Святой отец, а...

– Бе-еес, – протянул сосед Рихарда, который тоже любил вздремнуть. – Вот принесла нелегкая...

Сухонький старичок, согнувшийся в три погибели, но передвигавшийся на диво легко и ровно, проковылял в аудиторию. Студенты пожирали его глазами, двое-трое под партами наскоро лепили огненные шары – словно снежками запасались для игр во время Проводов Зимы.

– Добрый день, дети мои, – тонким веселым голоском провозгласил пра Томаш, не спеша подняться на кафедру. – Это так мило с вашей стороны, стремиться к знаниям. Но встречать меня на пороге, якобы беспокоясь о моем здоровье, уже ни к чему. Все мы – чада божии. Нас боги сотворили вложив и душу, и разум, и сердце. И каждому положили свой предел. Одним на роду написана долгая жизнь, другим – ранняя смерть. Кто-то будет убит, кто-то заболеет невиданной болезнью или получит травму. Но стоит помнить, что только боги ведают нашими жизнями. И глупо пытаться ускорить свой конец. Если бы мне была судьба умереть в коридоре от сердечного приступа, значит, боги уже заранее решили, что я умру именно здесь. И ваша помощь была бы бесполезной. Но с другой стороны, раз я остался жить, значит, боги решили для меня это так. Я жив и буду жить, несмотря ни на что...

Голосок у пра Томаша был высокий, но недостаточно сильный. В какой-то момент он задохнулся и несколько секунд стоял неподвижно, хватая ртом воздух. А потом застенчиво улыбнулся и повел рукой в сторону выхода.

– Однако, с грустью вынужден констатировать, – продолжал пра Томаш, – что в последнее время мое сердце все чаще меняет свой сердечный ритм. Так что я начинаю бояться за этот жизненно важный для человека орган. И милорд ректор был так любезен, что предоставил в мое распоряжение несколько дней отдыха, которые я намерен провести на лоне природы. Я отбываю сегодня вечером, дабы успеть захватить последние теплые и солнечные деньки осени. Но одних вас не оставлю!

На этом месте порог аудитории переступил невысокий худощавый мужчина преклонных лет, с порога окинувший студентов пристальным презрительным взглядом. Он давно был уже немолод, но выглядел так, словно время для него остановилось. Старая мантия, массивная трость, которую он явно держал не для красоты, резкие черты лица, как говорится, изможденные постом и молитвой... Изольда недовольно поежилась под его взглядом. Особенно изумило ее то, что все студенты, как один, повскакали с мест, чем заслужили неодобрительный взгляд вошедшего.

– Кто это? – прошептала она. – Что за сморчок?

– Это, – Ханна содрогнулась, опуская глаза, – наш бессменный ректор.

– Рек... – девушка залилась краской, – ректор? Сколько же ему лет?

– Не знаю. Но, говорят, он был бессменным ректором еще двадцать лет тому назад.

– Этого не может быть! – задохнулась Изольда. – Он не может быть таким старым!

– Может, – шепотом откликнулась Ханна. – Ходят слухи, что он заключил договор с темными силами, чтобы заполучить пост ректора и оставаться на нем пожизненно. Но при этом то ли забыл, то ли нарочно не сказал, сколько лет желает прожить, вот и живет до сих пор, не умирая. И он давно уже не женат – его супруга умерла от старости лет восемь тому назад. Хочешь познакомиться?

– О, Лад и Прия*! – простонала Изольда. – Только не это!

(*Лад и Прия – боги местного пантеона. Лад – бог любви. Прия – супруга Свентовида Четырехликого, подательница земных благ. Прим.авт.)

Но, видимо, она произнесла это слишком громко, так что ее возглас услышали.

– Вы что-то сказали? – взгляд холодных глаз уперся в новенькую. – Кто такая? Откуда взялись? Я вас что-то не помню.

– Я...я, – девушка залилась краской, – моя фамилия Швец. Я по обмену...

– Вот как? – оборвал ее ректор, нахмурился, пожевав губами, но потом просиял. – Ах, да! Обмен... Ну, смотрите у меня. А то вас придется обменять обратно! Можете присаживаться, господа студиозусы, – добавил он недовольным тоном.

Рихард в глубине души побаивался ректора, который, запросто мог испортить жизнь любому студенту, но в эту минуту он был готов почти простить ему все – и выговоры, и выволочки, и угрозы – только за то, что новенькая его тоже испугалась.

Ректор уже забыл про пунцовую от смущения девушку.

– Ну, зачем же вы так, уважаемый пра Томаш, – обратился он к старому преподавателю. – Ваше сердце работает хоть куда! Мы в вас верим! И что такое несколько дней отдыха? Пролетят, и не заметишь. Мы с нетерпением будем ждать, когда вы снова вернетесь и займете свое место. А вам, господа студиозусы, я, пользуясь случаем, хочу сделать объявление. В этом учебном году вводится новый факультативный курс экзорцизма и демонологии. Пока в нашем Колледже не оборудовано аудитории, да и учебные часы нашли с превеликим трудом, – ректор скривился и с досадой пристукнул тростью об пол, – поэтому пока мы воспользуемся отсутствием пра Томаша и заменим лекции по космогонии и теологии лекциями по демонологии и экзорцизму. Но к его возвращению найдем возможность изменить расписание лекций и практических занятий. Пока разрешите вам представить вашего нового преподавателя, пра Добраша. Он тут временно, но давайте сделаем все, чтобы ему у нас понравилось, и он захотел остаться на постоянную работу. Встречайте!

Порог аудитории переступил подтянутый энергичный молодой мужчина. Темно-синяя ряса скрывала его фигуру, но, судя по ширине плеч, походке и повадкам, он много времени уделял физическим упражнениям. Чисто выбритый, с аккуратно уложенными каштановыми волосами, он заставил некоторых девчонок завистливо вздохнуть. Немного успокоившаяся Изольда, так вовсе подалась вперед, хлопая ресницами, улыбаясь, и разве что рукой не махала, как старому знакомому.

Пра Добраш прошел к кафедре, но не встал рядом, а шагнул вперед.

– Благодарю вас, милорд ректор, – голос у него оказался неожиданно мягким, звучным. Ну, прямо мечта любой женщины. Был бы студентом, у Рихарда уже чесались кулаки объяснить новичку, кто тут главный. Но преподаватель, да еще временный, на замену – это, как говорится, святое! Тем более, что ряса и знак Свентовида Четырехликого не оставляли шансов для женской части аудитории.

– День добрый, господа слушатели... то есть, студиозусы, – промолвил пра Добраш. – Я, как вам уже сообщили, какое-то время буду читать у вас новый предмет, экзорцизм и основы демонологии. Пока только на один семестр, этот, а после Зимнего солнцеворота вопрос будет решаться отдельно – оставлять ли этот предмет и включать ли его в программу Колледжа. Вам повезло – для вас, скорее всего, этот предмет будет всего-навсего факультативным занятием,

а младшим курсам наверняка придется познавать основы экзорцизма в обязательном порядке. Не бойтесь, опыт у меня есть... Что?

Вверх взлетела одинокая рука, призывно шевеля пальчиками. Вслед за нею встала Изольда, кокетливо склонив голову набок.

– А вопрос можно?

– Задавайте.

– Скажите, – девушка сверлила молодого преподавателя взглядом, и Рихарду сильнее прежнего захотелось врезать этому Добрашу по профилю, – а где вы приобретали этот самый опыт?

– Поначалу в полевых условиях, – красивые губы преподавателя сложились в легкую улыбку. – Потом курсы переподготовки, изучение теории – и работа в Университете богословия и теологии города Зверина.

– Вы...вы, – Изольда побледнела, потом покраснела, – вы богослов?

– Не совсем верно. Но, да, я обычно веду курс экзорцизма среди богословов.

Богослов. Рихард был готов не просто расквасить новому преподавателю нос, но и как следует отпинать его ногами. Проклятые богословы!

К слову сказать, большинство студентов разделяло его негодование. Университет богословия и теологии, находившийся неподалеку, словно нарочно, взращивал тех, кто искренне считал некромантию и людей, занимающихся ею, врагами народа. Среди выпускников Университета было много таких, кто после завершения учебы шли в инквизиторы. И им дела не было до того, что некромантия как наука уже реабилитирована особым указом короля, что некроманты теперь входят в число городских служащих, что при каждом храме Смерти есть собственный некромант, и что практиковать в искусстве смерти могут только те, кто получил соответствующий диплом, а значит, лоялен к людям и обществу. Богословы имели на все свое мнение, сдобренное отрывками из священных текстов, и вражда между этими двумя учебными заведениями существовала со дня их основания.

Изольда Швец, кажется, не видела в этом особенной проблемы – или же решила, что молодой преподаватель не имеет к ней отношения. Она кокетливо хлопнула ресницами и улыбнулась:

– Вот как? И вам это нравится?

«Если скажет, что да, я его точно убью!» – почему-то подумал Рихард.

– Да, – не обманул его надежд богослов. – Это моя работа. И я с радостью откликнулся на призыв вашего руководства расширить познания будущих некромантов в такой тонкой и сложной сфере, как экзорцизм и демонология. Последние веяния времени показали, что у некромантов в этой области знаний зияет большой пробел. И я буду рад заполнить его знаниями...

«Вбивая их в ваши тупые головы!» – послышалось многим недосказанное.

– И вы не боитесь? – поинтересовался кто-то с задних парт.

– Чего? – мигом обернулся в сторону говорившего пра Добраш.

– Нас.

– С чего это я вас должен бояться?

– Мы – некроманты. А вы – богослов...

К удивлению присутствующих, тот рассмеялся:

– Нет, молодой человек, вы изволили ошибиться. Я не читаю курс богословия. Я – экзорцист. Изгнание злых духов и потусторонних существ – моя специализация. Так что у нас с вами есть кое-что общее. Ибо и вы, и я имеете дело с пришельцами из иных миров. Только вам по роду занятий чаще приходится призывать души из-за грани, а я занимаюсь тем, что отправляю их обратно.

– Ну, это и мы можем, – проворчал вечный спорщик курса, Янош Долин.

– Сомневаюсь все-таки, что вы точно знаете, чем мои, так сказать, подопечные отличаются от ваших! – почти весело откликнулся богослов.

– И чем же? – оцетинились студенты.

– Будете посещать мои курсы – расскажу, покажу и дам попробовать.

Студенты начали переглядываться. Это было что-то новенькое.

– Ну, – проскрипел ректор, – вижу, вы поладите с четвертым курсом. Оставляю вас на растерзание. Смотрите только, чтобы без больших жертв и разрушений! Пойдемте, пра Томаш.

Два старика покинули аудиторию, провожаемые внимательными взглядами. И не из одной груди вырвался вздох облегчения, когда дверь за ними закрылась.

– Ну, что ж, – преподаватель оглядел кафедру и легко взбежал на нее, опершись о стол, – продолжим знакомство. Готов ответить на любой вопрос!

– А как вас зовут? – внезапно заинтересовалась Ханна.

– Милая девушка, – тут же повернулся в ее сторону преподаватель, – а вы меня хорошо слушали? Кажется, мое имя только что было названо!

Изольда едва не зашипела от злости на то, что подруга осмелилась перебежать ей дорогу, но промолчала.

– Я... не расслышала, – пролепетала девушка.

– Понятно. Повторю, но для начала скажите, как зовут вас?

– Э-э... – студентка встала, чувствуя на себе взгляды всего курса. Изольда таращилась на соседку так, словно у нее внезапно во лбу вырос рог, а кожа стала зеленого цвета. – Ну... это обязательно?

– А как же иначе? Вы поинтересовались моим именем, значит, готовы в ответ назвать свое. Так как вас называть?

– Студиозус Руге. Ханна Руге, – пролепетала та.

– Вот вы и попались, студиозус Ханна Руге! – весело воскликнул богослов. – Ибо имя – то, что в экзорцизме и демонологии суть такое же оружие и инструмент, с помощью которого можно управлять своим собеседником. Половина всех методик, помогающих общению с духами и демонами, сводится к тому, чтобы так или иначе выведать имя потусторонней сущности, проникшей в наш мир. Если вы знаете ее имя, вы можете ею управлять. Поставить себе на службу или изгнать.

– А как же защита? – воскликнул Оливер, торопливо шаривший по парте в поисках пера и чернильницы. – Существует защита...

– Магические круги, амулеты и так далее, – богослов сошел с кафедры, остановился перед первой партой и, склонив голову набок, рассматривал студента в упор. – Но в экзорцизме не прибегают к такому способу. Это долго и не всегда эффективно, ибо сковывает и ограничивает действия самого экзорциста. Ведь мало начертать круг правильно – надо еще и не покидать его, не совершив предварительно определенных ритуалов. А на это не всегда хватает времени. Поэтому что остается? Только ты сам. И тут знание или незнание имени может сыграть роковую роль. Запомните это на будущее, студиозус Ханна Руге.

Девушка опустила на свое место:

– Что же делать?

– Помалкивать. Или называться чужим именем. У настоящего мага много имен. Можно воспользоваться своим детским прозвищем или нарочно придумать другое имя, используемое исключительно в данном случае. Иногда называют имя своего врага или соперника...

Рихард медленно кивнул головой и сделал пометку на будущее.

– А мое имя вы только что слышали, когда его называл господин ректор. Пра Добраш, прошу любить и не жаловаться.

Изольда тихо толкнула Ханну локтем:

– Нет, ну каков наглец! Да что он себе позволяет? Ну, я не я буду, если он уже через месяц не станет бегать за мной, как собачонка!

– Он тебе понравится? – изумилась девушка. – Ты хочешь выйти за него замуж?

– Дурочка, – улыбнулась подруга в ответ. – Замуж надо выходить с выгодой для себя. За декана или... – она запнулась, – все-таки за ректора. А этот... ну, он красивый и язык у него подвешен, как надо. Но вопрос в том, насколько он перспективен. Мне, знаешь ли, не улыбается всю жизнь прожить с простым учителем!

– Что ж, – пра Добраш тем временем вернулся к кафедре, – раз других вопросов нет, позвольте перейти к первой лекции. Тема ее проста и наверняка вертится на языке у каждого. А именно: «Зачем нужны знания по экзорцизму».

– А наш новенький – настоящий экзорцист, – проворчал сидевший рядом с Рихардом Тобиас Пек. – Десяти минут не прошло, а выставил старикана за порог и даже пальцем не пошевелил!

– Думаешь, наш старикан – демон?

– Кто их, преподав, разберет, – пожал плечами парень.

– Задняя парта! – послышался голос пра Добраша. – Если вы считаете, что вам можно обойтись без записей, то, в таком случае, можете быть свободны до первого практического занятия, на котором я вас спрошу в обязательном порядке!

– Вот бес, – выругался Тобиас Пек. – Придется писать.

Рихард ничего не ответил, молча кивнул и полез в сумку за перьями и бумагой.

Из аудитории студенты выползли недовольные. Рихард рассчитывал выспаться на лекции пра Томаша, и настроение у него было отвратительным.

– Вот увидите, – мрачно предрекал он, – наплачемся мы еще с этим богословом!

– Уж это точно, – кивнул Оливер, и его поддержали остальные. – Все беды от богословов.

Мимо прошел пра Добраш – плечи расправлены, взгляд нацелен вдаль, на лице безмятежность и целеустремленность. На студентов он даже не обернулся. Парни провожали его мрачными взглядами.

– Как ему, наверное, противно у нас читать лекции! – высказался Тобиас Пек.

– Нам слушать его еще противнее, – буркнул Рихард.

– Не всем, – его пихнули локтем. Рихард обернулся – несколько девчонок провожали молодого преподавателя внимательными взглядами.

– Вот же... бабы! И чего их на всякую дрянь так и тянет?

– А что, – Янош Долин, который постоянно был с кем-то в ссоре, обхватил приятелей за плечи, притягивая к себе, – если мы немного усложним этому типчику жизнь? Пусть не думает, что некроманты такие уж слабаки!

– Тоже мне – богослов! – поддержал его Тобиас Пек.

Со всех сторон послышались шепотки. Утереть нос богословам, даже пусть и через их преподавателя, было делом чести. Более того, у четверокурсников не возникало сомнений, что в случае чего их поддержат студенты с других курсов, а может, даже с других факультетов – боевых магов и алхимиков с целителями. Война между учебными заведениями шла давно, и в этой войне все средства были хороши.

Второй парой в тот день была боевая подготовка. Вспомнив об этом, Рихард внутренне застонал. До сих пор в этот день все было иначе – выспавшись на скучной космогонии, он с новыми силами начинал тренировки, так что преподаватель нахваливал студиязуса Вагнера чаще остальных. Но не в этот день, когда ему глаз сомкнуть не дали!

Преподавателем боевой и физической подготовки был старый боевой маг, на котором, казалось, шрамов было больше, чем целых кусков кожи. В ожидании, пока подойдут ученики,

он прохаживался по плацу, поигрывая двумя короткими мечами так, словно это были легкие пруттики.

– Так-так, – заметив подходящих четверокурсников, прищурился он. – Старые знакомые! Давно не виделись! Не соскучились по боли и страданиям?

Студенты, привычные к манере преподавателя, ответили нестройным гулом.

– Вот и хорошо, – кивнул тот. – Они по вам тоже соскучились. Ждут – не дождутся возобновить знакомство!.. Что встали? Бегом!

Рихард пожал плечами и первым потрусил по посыпанной крупным песком дорожке, даже не потрудившись оглянуться и посмотреть, следуют ли за ним остальные. Следовали, еще как, постепенно вытягиваясь в колонну по одному. Немногочисленные девушки пропускали парней вперед и вовсе не из чувства благородства. Просто они знали, что все равно не угонятся за соучениками и предпочитали тихонько бежать позади.

– Вперед! Вперед! Что встали? – покрикивал маг, постукивая мечами друг о друга и задавая таким образом темп. – А вам что, принцессы, особое приглашение надобно?

Слово «принцессы» он произнес с той интонацией, с которой обычно произносят «шлюха» или иное словцо из непечатных выражений.

– Что? Бежать? Прямо так? – Изольда изогнула бровь. – Но мы с вещами! И в юбках! Как бежать?

– Так и бежать, принцесса! – добавил грубости в голосе маг. – Или в полевых условиях вы, госпожа, будете просить упыря подождать, пока переоденетесь и уберете вещички? Драпать чаще всего приходится внезапно. И желательно при этом не терять своих вещей, ибо это – ваше оружие. Так что бегом! Юбки повыше подобрала – и вперед!

Ханна Руге, уже знавшая привычки преподавателя, забросила сумку с книгами на спину, потуже подтянув лямки и, приподняв подол, потрусила вслед за парнями и остальными девушками. Но Изольда все мешкала.

– Я не собираюсь бегать, – заявила она. – Что за прошлый век? Девушкам бегать так неприлично! Бегущая женщина совершенно не смотрится!

– Да. А горящая смотрится зато очень даже хорошо, – скривился маг, отчего шрамы на его лице пришли в движение и полностью изменили черты его лица.

– Горящая? Но некроманты не вне закона! Наша профессия вполне себе легальна! Никто не имеет права устраивать самосуд и даже нарушители закона имеют право на гуманное отношение.

– Имеют. Только вот неграмотные селяне в глубинке об этом не знают. Для них хороший некромант – тот, кто не создает дополнительных проблем. И вы, принцесса, либо хорошо колдуете, либо хорошо горите. Третьего не дано!

Изольда проворчала себе под нос клятвенное обещание этого так не оставить, но все-таки побежала. Ладно, в конце концов, можно утешиться тем, что бег полезен для здоровья!

Три круга спустя маг сжалился над студентами.

– Отъелись у родителей на каникулах на домашних-то харчах, – не без удовольствия проворчал он, – заплыли жирком! Ну, ничего, я с вас лишний жирок-то обтрясу! Попомните у меня... Я вас научу родину любить!.. Разбились на пары. Взять оружие! Вагнер – ко мне!

Рихард тихо зарычал сквозь стиснутые зубы. Из всех четверокурсников у него одного из немногих имелся настоящий боевой опыт. Ведь не каждому студенту выпадает такой сомнительный шанс приобрести оный, а именно рисковать своей жизнью, удирая от наемных убийц, подосланных обманутыми мужьями. Впрочем, и остальные студенты тоже не были пай-мальчиками. Тобиас Пек несколько раз дрался с городской стражей. Янош Долин вместе с Рихардом занимался тем, что служил на турнирах «дежурным» партнером для рыцарей, желающих развлечь толпу искусством фехтования. Некоторые студенты и вовсе подрабатывали наемниками. Особенно часто заказы «подкараулить и немного потрепать, чтоб запомнил» получали

учащиеся факультета боевой магии, а также ведьмаки – им боевку преподавали по полной программе, посвящая этому четыре из шести учебных дней.

Боевой маг ждал Рихарда в середине плаца, поигрывая двумя мечами. Не тратя времени на то, чтобы скинуть с плеча сумку с книгами, Рихард подошел и, посольку фальшион сегодня он оставил в комнате, вытащил из подставки шпагу и короткий кинжал-дагу для левой руки.

– Не спать! Не спать! – рявкнул преподаватель, косясь на остальных студентов. – Замечу, что кто-то стоит – оштрафую «три на три» круга!

– Чего это он? Какие круги? – шепнула Изольда Ханне.

– Обыкновенные, – девушка выбрала тренировочный меч, помахала им в воздухе. – Первый штраф – бежишь три круга. Второй штраф – в три раза больше, то есть, девять кругов. В третий раз – уже двадцать семь кругов!

– Двадцать семь? – ахнула Изольда. – Но... как он может? Это же...

– Это он может, – вздохнула Ханна. – Училась у нас такая – Ева Полок. На втором курсе началась боевая магия. Ева возьми и заяви, что учиться фехтованию не будет. Мол, не женское это дело. На первый раз мастер Хотислав ее даже простил... на второй раз она тоже легко отделалась, всего-то двадцать отжиманий, а вот на третий... Он заставил ее пробежать все двадцать семь кругов. После занятий.

– Ну и ну! – вытаращилась Изольда. – И что она?

– Как – «что»? Отлежалась, отдышалась и документы забрала. Так что давай, вставай в позицию, пока нас не засекали.

– Кто? Этот ваш мастер «как-его-там-слав» сейчас сильно занят!

Девушка кивнула в сторону плаца, в центре которого не на шутку сцепились Рихард Вагнер и преподаватель боевой магии. То есть, это со стороны могло показаться, что они готовы перервать друг другу глотки. На самом деле оба нарочно старались щадить друг друга, хотя лезвия клинков не раз и не два скользили в опасной близости от лица, шеи, животов и бедер противников. Одна царапина – и остановить кровотечение будет трудно.

Правда, по-настоящему оценить мастерство или заметить ошибки было почти некому. Практически весь четвертый курс, разбившись на пары, тренировался, отрабатывая боевые приемы.

– Верхнюю «восьмерку»! – время от времени покрикивал мастер Хотислав и, повинувшись этим окрикам, студенты тут же начинали повторять этот прием. – Нижний «слив» против «ножниц»!.. Эй, принцессы! Что встали? Понравилось бегать?

– Это он нам, – забеспокоилась Ханна. – Давай немного хоть для вида клинками помашем!

– Как он нас мог увидеть? Ведь даже спиной к нам стоит!

– Он... слышит, – в два приема выдохнул Оливер Жижка, отбиваясь от своего напарника, которым оказался рослый Янош Долин. – Слышит... сколько пар.

– Ну и ну!

– Вот тебе и ну! – Ханна взмахнула мечом. – Мастер Хотислав побывал в таких переделках, что и представить себе трудно! И остался жив и даже не ранен!

– «Не ранен»! – Изольда тоже помахала мечом. – А на рожу его без слез не взглянешь... Ты не знаешь – он женат или нет?

– Ну, Изольда, ты даешь! Тебе и его окрутить надо?

– Я просто спросила!

– Нет, не женат.

– А, ну и понятно! Какая дурочка за него пойдет?

– Дура не пойдет, – отрывисто бросил тот же Оливер, – а ты у нас умная!

– Заткнись, недомерок, – огрызнулась Изольда.

– Ты чего? – от изумления Ханна даже опустила меч. – Какая муха тебя укусила?

– А такая! – девушка бросила свой меч на землю. – Я не хочу заниматься этим вашим боевым искусством! Это не женское дело!

– А если тебе придется убивать?

– Кого? Упырей? Мечом? – коротко хохотнула Изольда. – Не смей меня! Для этого есть защитные круги, заклинания, атакующие амулеты... И потом – чтобы прикончить упыря, ему надо отсечь голову. А это можно сделать и без этой школы фехтования! Вот скажи на милость, будешь ли *ты* сначала фехтовать с упырем прежде, чем оттяпать ему голову?

– Ну, – нахмурилась Ханна, – сначала я его нейтрализую, а потом...

– А потом выяснится, что упырь не один, и пока вы занимаетесь одним, второй успел зайти к вам с тыла.

Низкий голос за спиной заставил вздрогнуть и взвизгнуть обеих девушек, даже ту, которая стояла лицом к опасности и могла все видеть. Прервав поединок с Рихардом Вагнером, мастер Хотислав подкрался к спорщикам.

– Ой! – пискнула Ханна, первой догадавшись, что сейчас будет.

– Убита, – безжалостно констатировал боевой маг. – И ты – тоже!

– Почему? – возмутилась было Изольда. – Я же ничего не сделала!

– Вот именно, что «ничего»! Стояла, как столб и ждала, пока тебя есть начнут! Позор, а не будущий некромант!

– Вот именно, что некромант, а не ведьмак, – гордо вскинула носик девушка. – Я, может, буду магом-теоретиком...

– Вот тебя теоретически и сожрут в первые сутки дежурства, – отрезал мастер Хотислав. – А как оно будет практически – посмотрим. Побежали!

Опытная Ханна со вздохом потрусилась по дорожке.

– Три круга! – крикнул ей мастер вслед. – Кстати, ко всем относится!

– А нас-то за что? – мигом взвился Янош.

– За то самое. Вы – будущие некроманты. Вы должны знать, каково это – работать в команде. И отвечать всей командой за промахи одного ее члена!

Парни мрачно заворчали себе под нос, призывая все кары земные и небесные на голову новенькой, но послушно побежали, на ходу выстраиваясь гуськом. Последним, подгоняя отставших, бежал сам мастер Хотислав.

Осторожный стук в дверь заставил сидящего в кресле мужчину встрепенуться:

– Да! Войдите!

Переступивший порог слуга был взволнован:

– Его нигде нет, мастер!

– Как так – «нет»?

– Вот так. Постель милорда не смята, личные вещи на месте, но в замке его нет. И его никто не видел уже... уже почти двенадцать часов!

Мужчина стиснул зубы, перевел дух.

– Успокойтесь, Роб, – помолчав, промолвил он. – На всякий случай, опросите слуг еще раз, особенно привратника. Но, думаю, беспокоиться пока нечего. Подождем.

Слуга поклонился и вышел. Мужчина долго смотрел ему вслед.

– Подождем, – медленно повторил он.

Примерно в это же время в другом кабинете другой мужчина, пожилой, важный, седовласый, принимал другого посланца, молодого, крепкого сложения, стоявшего перед ним с почтением и даже оттенком некоего страха.

– Итак? – мягко просил седовласый.

– Все прошло именно так, как вы и предсказывали, милорд, – ответил молодой.

– Вот видишь, сын мой, – седовласый улыбнулся. – Я достаточно много пожил на свете, я знаю жизнь и, поверь, знаю, что делаю. Продолжай слушаться меня и дальше, и все будет хорошо.

– Я слушаюсь. Но осмелюсь спросить...

– Что дальше? Вы, молодые, так нетерпеливы... Теперь мы должны ждать.

– Чего?

– Благоприятных обстоятельств, сын мой. Благоприятных обстоятельств. Ибо всему свой срок, все должно быть тщательно подготовлено, все должно созреть...

Да, созреть. Оставшись после ухода собеседника в одиночестве, седовласый мужчина придвинул к себе лежавший на столе исписанный и исчерченный лист. Еще несколько дней. Всему свой срок. Даже искусственно созданному упырю надо время, чтобы созреть.

Глава 3.

С тренировки парни возвращались, ощущая привычную усталость. Прошли те времена, когда они еще за полчаса до окончания занятий мечтали о том, чтобы упасть и больше никогда не подниматься – и пусть хоть убивают. Теперь это даже нравилось – помогало спустить пары и подготовиться к очередной стычке с богословами.

– Куда теперь? – спросил Рихард, осторожно поправляя сумку и перевешивая ее с плеча на плечо. – Домой или...

– Забыл? – праведно возмутился Оливер. – У нас завтра коллоквиум по зельям! В библиотеку!

– Ч-шт...Бес! – споткнувшись на ровном месте, Рихард матюкнулся. – *Куда?*

– В библиотеку!

Рихард нервно оглянулся по сторонам – не слышал ли кто?

– А может, не надо? – осторожно поинтересовался он. – Может, я у тебя, как всегда, спишу?

– Спишешь, куда ты денешься, – отмахнулся приятель. – Только чтобы у меня было, что списывать, мне самому без «Справочника по ядам» никак не обойтись! Так что пошли в библиотеку... А то мне одному страшно, – добавил он доверительно.

Рихард понимающе кивнул головой. Еще бы не было страшно! В библиотеку студенты старались не навещать без крайней нужды, до последнего оттягивая неприятный момент, и старались посещать ее небольшими группами от пяти до двенадцати человек, справедливо полагая, что в толпе затеряться будет проще и, соответственно, выше шанс уцелеть во всех смыслах этого слова. Если же нужда заставляла переступить порог библиотеки, то книг старались взять как можно больше, прихватывая на всякий случай даже лишние, чтобы два раза не бегать. И, если что, с охотой одалживали учебники друг у друга – по той же причине.

Дело было в библиотекарше. Вернее, в библиотекарше.

Худая, бледная, остроносая, с длинными вечно шевелящимися, словно ощупывающими что-то пальцами, затянута в глухое облегающее платье, под которым были заметны, кажется, не только мышцы, но и кости, библиотекарша была живым кошмаром Колледжа Некромагии. Даже сам ректор – и тот старался лишней раз не попадаться ей на глаза, а при встрече лебезил и заискивал. Если же ему надо было взять какой-нибудь фолиант из хранилища, то он сначала заручался поддержкой главы гильдии некромантов, потом слал обязательный запрос наблюдателям от Инквизиции, затем собирал подписи со всего профессорско-преподавательского состава о том, что они ручаются, что книга сия будет использована исключительно в научных целях. И уже со всеми документами и объяснительной, зачем нужна именно эта книга, можно было отправляться за редким изданием.

Да, библиотекарьша была кошмаром всего Колледжа. Настоящего имени ее никто не знал, но с легкой руки кого-то из выпускников все именовали ее просто Змеей, изредка добавляя «особо ядовитой». Так ее звал даже ректор, что уж говорить о простых студентах!

И к этому чудовищу Оливер Жижка собирался заявиться за книгами по алхимии!

– Ты с ума сошел, – попытался отговорить приятеля Рихард. – Мы же на прошлой неделе все учебники получили. Плюс кое-какую дополнительную литературу. Она нам запросто может ничего не выдать!

– Не имеет права, – не особенно уверенно возразил Оливер. – Мы имеем право забрать десять наименований печатной продукции за один раз, не считая выданных в начале года учебников.

– Да? И сколько у тебя этой «продукции» сейчас на руках?

– Точно не помню, девять или десять.

– Одиннадцать, – мрачно предрек Рихард. Идти к Змее ужасно не хотелось – старая карга наверняка его еще не забыла! – но не бросать же приятеля с нею один на один. Сожрет и не подавится!

– Ладно, пошли. Быстрее отделаемся!

Библиотека располагалась в Восточной галерее, скрытая за одной из боковых дверей. Табличка на ней была нарочито скромной, и это почему-то пугало. Мол, нам нечего беспокоиться о собственной славе – пусть об этом побеспокоятся другие.

Задержавшись на пороге, Оливер вскинул руку, предупреждая приятеля. Рихард мигом воровато оглянулся и вместе с ним прикинул ухом к двери, прислушиваясь к невнятному бормотанию и еле слышному шипению. Судя по всему, Змей Особо Ядовитая уже кого-то распекала. В ответ на вопросительный взгляд Рихарда Оливер лишь философски пожал плечами. Предугадать, удачно ли они зашли, было невозможно. С одной стороны, Змея могла выпустить на нарушителя пары и к следующим посетителям будет немного помягче. А с другой стороны, с тем же успехом эта беседа могла окончательно испортить ее и без того всегда плохое настроение, и тогда их миссия заранее обречена на провал.

– Идите, – прозвучал ее голос. – И без-с пропажи можете на глаз-са не показываться-ся!

– Но я... я не знаю, – уже возле двери залепетал несчастный студент.

– И я нич-шего не з-снаю! – был ответ. – Ищите и обряц-щите!

Дверь открылась, и на руки четверокурсникам выпал парень на год их старше, слушатель пятого курса, Тодор Зяблик. Высокий, крепко сложенный парень с гривой темных волос, краса и гордость своей группы, дрожал, как осиновый лист и разве что не плакал.

– Ну, что мне делать? – причитал он. – Что делать? Я не знаю, где она! Я правду говорю!

– Что случилось? – Рихард за локоть оттащил его подальше от дверей.

– У м-меня книга пропала, – вздрогнув, ответил Тодор. – «Практическое руководство по пентаграммостроению». Еще вечером она была на месте, да и утром вроде как тоже, а в полдень я заглянул в комнату – а ее нет. Я все обыскал!

– Ага, и не придумал ничего лучшего, как сразу бежать к Змее с повинной, – фыркнул Рихард. – Признаваться, что накосячил, надо как можно позже. Вспоминай, куда ты мог ее положить?

– Да на столе она лежала! – взвыл Тодор. – С краю. Вот так! – он чуть было не раскинулся на подоконнике в нужной позе. – Я хотел ее еще полистать, вот и не стал прятать! Чтобы потом не искать...

– «Подальше положишь – поближе возьмешь!» – вспомнил Рихард. – Помнится, мама так всегда говорила.

– Ты сам-то ее не мог? Того-с...

– Что? – чуть ли не взвыл Тодор. – Я что, похож на самоубийцу?

– Ты похож на типа, который запаниковал и чуть было не нарвался на крупные неприятности! Ладно, дуй отсюда. Найдется твое «Пентаграммостроение», куда не денется!

– Искать надо тщательнее, – посоветовал Оливер. – Опроси своих соседей – может, кто брал почитать... ну, или видел, как кто-то еще трется возле вашей комнаты.

Тодор обреченно махнул рукой и поплелся прочь. Друзья проводили его взглядом, потом переглянулись, вздохнули и одновременно взявшись за ручку двери, дернули ее на себя.

– Можно?

– Наш-шел?

– А? – парни замешкались в дверях. – Это... ну... не я! То есть, не он!

– Виж-шу, – библиотечарша исподлбья рассматривала вновь прибывших. В своем глухом платье, с пучком волос на макушке, глазами навывкате, скорбно поджатыми губами, она сейчас, как никогда, казалась воплощением зла.

– С-с чем пожаловали? Вернуть должок? Надо же, какая с-сознательность...

– Нет, мы не...

– Не наш-шли пропажу? – голос ее помертвел, зазвучал безжизненно, сухо. – Ж-жаль... значит, придется прибегать к крайним мерам...

– Не надо! – взвыл Жижка, кидаясь вперед. – Не надо ни к чему прибегать, пожалуйста! Мы не должники! Мы хотели кое-что получить! Вот мои документы, – он торопливо зашарил на дне своей сумки, выискивая читательский билет. – Сами проверьте, у меня нет никаких задолженностей! И учебники за третий курс я сдал одним из первых и без единой пометки!

– Вот как, – безо всякого выражения библиотечарша взяла билет, по номеру нашла формуляр и так долго его изучала, что у Оливера и Рихарда несколько раз замирало сердце. – Что ж, в первый раз-с вижу с-столь сознательного студента. Похвальное поведение, молодой человек! Продолжайте в том же духе, и будет вам с-счастье...

– Я, это, – ободренный похвалой, Оливер выпятил грудь, – книжки хотел кое-какие взять...

– С-сдать, вы имели в виду?

– Нет, взять.

– Это невозмож-шно! – тонкая рука протянула билет непреклонным жестом.

– Н-но... почему? У нас завтра коллоквиум по алхимии...

– Нам готовиться надо, – поддержал друга Рихард. – А без дополнительного материала никуда!

– Это ваш-ши проблемы.

– Да почему же? – взвыл Оливер.

– У вас-с двенадцать наименований уже на руках, – библиотечарша скорбно и сердито поцокала языком. – Необходимо с-сдать три книги, тогда я имею право выдать вам одну.

– Но, – Оливер явно не был готов к такому повороту событий, – у меня при себе не так уж и много... – под осуждающим взглядом библиотечарши он обреченно вздохнул и полез в сумку, – и они мне все нужны!

– З-сначит, рас-статься придется с ненужными, – логично предположила она. Ее тонкие пальцы непрерывно двигались, словно жили своей жизнью, что-то быстро перебирая на столе. Добрались до картотеки, стали шуровать в карточках, время от времени вынимая некоторые и бросая в щель ящика с надписью «Уничтожитель бумаг». В ящике при этом раздавался восторженный вой, напоминающий одновременно визг и мяуканье. – У вас при с-себе есть ненужные учебники?

– Нет, но, – напрягся Оливер, – я могу за ними...

– Не мож-жете, – губы библиотечарши тронула ехидная улыбка, – ибо через четверть час-са я закрываю-сь на санобработку. Вы не успеете...

Словно подтверждая ее слова, часы гулко пробили пять раз.

– Это несправедливо! – возмутился парень. – Последняя пара заканчивается в шесть часов, а библиотека закрывается на час раньше!

Ответом ему послужил холодный взгляд сквозь очки.

– Вы собираетесь учить меня работать? – прошипела библиотекарша таким тоном, что даже Рихард, до этого момента благообразно не вмешивавшийся в разговор, почувствовал себя неуютно и от души порадовался, что гнев «Змеи Особо Ядовитой» направлен не на него. Дружба дружбой, но есть же инстинкт самосохранения!

Даже Оливер понял, что сморозил глупость. Он побледнел и попятился к дверям, как щит, прижимая к себе сумку с книгами.

– Я...это...ну... даже не думал, что... Извините, я забыл... Но что же мне делать?

– Приходить з-савтра. К открытию. В с-с-семь утра! – прошипела библиотекарша, подавшись вперед. Рихард мог поклясться, что кожа у нее стала слегка зеленовато-бурой, как у жабы.

– Н-но...

На Оливера жалко было смотреть. Не то, чтобы подъем в половине шестого был непосильной задачей для студента-четверокурсника, просто алхимия была назначена на половину десятого. За два с половиной часа, часть из которых пришлось бы потратить на завтрак, вряд ли кто успел бы подготовить два домашних задания – одно за себя, а другое за Рихарда.

Тот внезапно понял, что может спасти положение.

– А на моем формуляре остались свободные места? – поинтересовался он.

Библиотекаршу перекосило так, что обоим парням показалось, что она сейчас либо умрет, либо лопнет до досады. Проскрежетав что-то сквозь стиснутые зубы – Рихард сразу обозвал себя идиотом и приготовился удирать – она зашарила в картотеке и выудила его формуляр.

– Да, – через пару минут прозвучал недовольный голос, – три месс-ста. Вам повезло. Я могу выдать вам одну книгу...

– Одна книга на *три* свободных места? – кинулся в бой воспрявший духом Оливер. – Как минимум две!

– Учебный год только начался, – злорадно улыбнулась «Змея». – Кто з-снает, что вашему самоотверженному приятелю понадобится з-савтра?

В ее словах была своя логика. Увы, количество книг – учебников, справочников, дополнительной литературы, методичек и так называемого «легкого чтения», которое могли себе позволить студенты, было строго ограничено. Одновременно на руках могло находиться только десять наименований, не считая обязательного списка учебников.

– Все равно я твой должник, – шепнул обрадованный Оливер.

– Сочтемся завтра на алхимии, – кивнул Рихард.

– Так что вы хотели взять? – нарушил идиллию сухой голос.

– Методичку по составлению отпугивающих зелий из подручного материала, – без запинки отбарабанил Оливер.

– С-сожалею, – библиотекарша покачала головой с таким сокрушенным видом, словно ей действительно было жаль. Если бы не легкая улыбка в уголках губ, ей можно было бы даже посочувствовать. – Но именно эти методички уже кончили-сь...

Оливер тихо застонал. Рихард выматерился. Если у его приятеля был шанс выехать на старых знаниях и что-то сымпровизировать в последний момент, то у него самого в голове было пусто. Алхимия не относилась к числу его любимых предметов, несмотря на то, что многие ингредиенты некромантам приходилось изготавливать самостоятельно.

– Но я могу предложить вам отличную брошюру под названием «Тысяча и один рецепт против упырей, вурдалаков и прочей вредоносной нечис-сти, изготавливаемый из чес-снока», – медоточивым голосом изрекла «Змея» с таким видом, словно делала одолжение. – Из-сдана недавно, вс-сего трис-ста пятьдесят лет назад...

– Что? – взвизгнул Оливер. – *Всего?*

– ...но рецепты в ней до сих пор действенны, – как ни в чем не бывало, продолжила библиотекарша. – И это все, что я могу для вас сделать за десять минут до закрытия. А мне еще книги по полкам расставлять! – она указала на несколько внушительных стопок на соседнем столе.

– Я вам помогу! – Рихард стремительно, словно его кто-то пихнул кулаком в спину, сделал шаг вперед и мужественно приподнял крайнюю стопку. Весила она немало, и парень от души благословил свой рост и силу.

Ответом ему была тишина, нарушенная только грохотом – у Оливера из рук упала сумка. Даже библиотекарша не нашла, что сказать. Из «уничтожителя бумаг» высунулось животное, напоминающее черного кота, удивлено взвыло и спряталось обратно.

– Ш-ш-ш, – вот все, что смогла выдать «Змея», после чего кивнула головой и, подхватив другую стопку, направилась в проход между стеллажами. Рихард затопал следом.

– С-следуйте впереди меня, – тут же раздался ее голос. – Чтобы я вас-с видела!

Парень бросил прощальный взгляд на Оливера – друг смотрел так, словно его соседа по комнате уводили на плаху, – и занял указанное место.

– Третий направо, – тут же последовало указание. – Две верхние книги на вторую полку сверху. На свободное место... Справочник по домашним духам – на соседнюю полку, с краем, – сама она весьма ловко выудила книгу откуда-то из середины своей стопки, приткнув ее на самый верх. – Идем дальше... Теперь опять направо.

Так, следуя ее указаниям, Рихард расставил все книги, после чего вернулся за второй стопкой, потом за третьей и четвертой. Оливер все это время не сводил с него зачарованных глаз. В его взгляде страх мешался с уважением – в его глазах приятель поднялся на недостижимую высоту.

Уже когда последняя книга из последней стопки заняла свое место, библиотекарша вручила друзьям «Тысячу и один рецепт...» и неожиданно добавила толстую помятую всю в каких-то пятнах исписанную толстую самодельную тетрадь, на которой аккуратным девчачьим почерком было выведено «Травология».

– Иногда студенты сдают свои старые записки, надеясь, что я не замечу и посчитаю их вместе с утерянными учебниками, – прошипела она. – Вы свободны!

Повторять два раза не пришлось. Из библиотеки друзья вылетели с такой скоростью, с какой, наверное, не выбегают из тюрьмы внезапно помилованные смертники. Оливер прижимал к себе книгу рецептов и тетрадь крепко и нежно, словно священную реликвию. Лишь оказавшись на улице и направляясь в свой корпус, он стал листать находки и споткнулся от неожиданности, упав на колени.

– Я твой должник, – прошептал он в ответ на вопросительный взгляд Рихарда, – два раза. Ты только посмотри! Тут, в этих лекциях, есть тема «Составление отпугивающих зелий из подручного материала»! Ого, – он на ходу перевернул пару страниц, – им на лекции и простейшие рецепты давали...

Он с восторгом углубился в чтение чужой тетрадки. Рихард счел нужным подхватить приятеля под локоть, чтобы тот не упал снова. Всю дорогу Оливер что-то восторженно шептал, время от времени начиная изъясняться в любви к неизвестной Леноре Прим, чья фамилия была написана мелким почерком на внутренней стороне титульного листа. Судя по датам, она отучилась в Колледже уже лет десять тому назад. Он настолько глубоко ушел в чтение, что даже обед в столовой проглотил, не глядя. И, если бы не контролировавший его Рихард, так и сидел бы на своем месте до закрытия.

До следующей, третьей на сегодня, пары оставалось еще почти два часа – судя по расписанию, сегодня у их группы были практические занятия на кладбище. Как раз было время подготовить домашнее задание и собрать вещи. Жаль, что придется обойтись без приличного

ужина – к тому времени, как практиicum закончится, столовая закрывается – голодать студентам было не впервой. Специально на этот случай в каждой комнате имелся запас сухарей и кувшин вина. Рихард вел Оливера в комнату, предвкушая два часа сна, но уже на крыльце его окликнули:

– Молодой господин!

Он обернулся. У решетчатого забора, прижимаясь к нему, стояла девушка в одежде служанки и призывно махала ему рукой.

– Молодой господин! – в голосе ее звучала тревога и нетерпение. – Да вы, вы! Скорее сюда! У меня для вас послание от одной известной вам дамы...

Рихард припомнил, что несколько раз видел эту девушку, кажется, в замке Магдалены. Он тряхнул Оливера за локоть:

– Мне надо отлучиться. Сам дойдешь?

– Угу, – кивнул тот, не отрывая глаз от лекций, прошел без поддержки два шага и запнулся ногой о верхнюю ступеньку крыльца. – Бес!

Рихард, как котенка, вздернул друга за шиворот, помогая выпрямиться, пинком распахнул перед ним дверь, заталкивая приятеля в темное нутро первого этажа, и устремился к служанке. Та чуть не приплясывала на месте от волнения.

– Моя госпожа велела вам передать, – воровато оглянувшись, девушка сунула в протянутую руку небольшой запечатанный воском конвертик. Рихард узнал перстень-печатку графини.

– Как она... там?

– Вы все узнаете из письма, – торопливо прошептала служанка и отпрянула: – Мне надо идти. Простите!

Проводив ее взглядом – девушка улепетывала так, словно за нею гналась толпа упырей – Рихард вернулся к себе в комнату. Оливер ухитрился самостоятельно подняться на этаж и ковырял ключом в замке, не превращая чтения. Рихард сам открыл дверь, втолкнул приятеля – тот сразу опустился на свою койку – и сломал печать.

– Что там у тебя? – лекции лекциями, но любопытство оказалось сильнее страсти к учебе.

– От Магдалены, – коротко ответил Рихард.

Рука, выводившая строки, видимо дрожала и буквы прыгали, но изящный почерк не узнать было невозможно:

«Милый, нас разлучили, но таковы обстоятельства. Я готова объясниться, если вы согласны на встречу. На улице Трех Венцов есть Винный переулок. В его конце стоит старый дом, который когда-то принадлежал моей старой кормилице. Она отошла в мир иной, а дом остался заброшен. Приходите туда сегодня после вечерни. Я буду ждать вас там для окончательного разговора. Надеюсь на вашу порядочность. Прошу никому не рассказывать об этом письме. Приходите один. Магдалена ф. Хайнц».

– Ты пойдешь? – поинтересовался Оливер, когда Рихард зачитал ему записку.

– Должен, – пожал плечами парень. – Она просила...

– Ну и глупо.

– Почему?

– Хочешь слушать ее оправдания? И так ясно, что она скажет.

Рихард пожал плечами:

– Как порядочный мужчина, я должен туда пойти. Ей и так пришлось нелегко. Удивляюсь, как это муж вообще не высек ее и не отдал под суд за измену!

– А может, как раз и отдал? Ты-то откуда знаешь?

– Ее письмо. Вряд ли она написала его, сидя в тюрьме. И она приглашает меня на встречу... Узница не станет так писать!

– Кроме того, улица Трех Венцов на другом конце города. Где там Винный переулок, лично я не знаю. Наверное, недалеко от складов. Добираться туда час. А у нас через два часа практиicum на кладбище. Ты уверен, что успеешь? Разговор может затянуться!

– Ну и что? – отмахнулся Рихард. – Ты же меня прикроешь в случае чего? Пойми, я ее все-таки... ну, люблю... И она меня – тоже... во всяком случае, нам с нею было хорошо. И не забывай, что она снабжала нас деньгами...

– Ладно, – отмахнулся Оливер. – Лети уж... на крыльях любви! Но если опоздаешь больше, чем на полчаса – пеняй на себя! Сам знаешь, мэтр Сибелиус шутить не любит.

Да уж, преподаватель магии мертвых вообще не признавал шуток и даже, кажется, не умел улыбаться. Но отступить Рихард не хотел.

Дверь отворилась с тихим скрипом – совсем чуть-чуть, только чтобы можно было бочком протиснуться внутрь.

Комната, как комната. Старые, линялые обои с разводами от сырости. Исшарканный, исцарапанный пол. Рама на окне старая, разошедшаяся, и, судя по всему, прилегает неплотно – подоконник разбух от сырости, а цвет дерева под облупившейся краской свидетельствует о том, что дерево медленно, но верно превращается в труху.

Кругом в беспорядке навалены старые вещи, отслужившие свой век. Подушки и одеяла, источавшие запах плесени, продавленные сырые матрасы, разломанные стулья, какие-то тряпки и черепки. Даже стопка конспектов, перевязанная бечевкой. Листы потемнели и покоробились от влаги.

– Ну...здравствуй... Мне говорили, что надо поздороваться, когдаходишь сюда... Я тебя не слышу, но надеюсь, ты слышишь меня. Здравствуй. Это я. Узнал?.. Наверное. Хочется думать, несмотря на то, что прошло столько лет. Ты, наверное, даже удивлен, увидев меня здесь. А я вот здесь.

Вещи вокруг навалены не просто так. Они уложены так, что оставался более-менее свободным проход в центре, чтобы можно было добраться до окна в боковой стене. И достаточно сделать несколько шагов, чтобы оказаться возле него. Комната угловая, окно освещает только часть ее, а дальний край, возле торцевой стены, погружен в сумрак.

Наверху, чуть дальше от окна, в глубине комнаты, нависает потолочная балка. Та самая потолочная балка, с которой несколько лет назад сняли тело повесившегося студента. На полу, конечно, давно не осталось никаких следов. Да и что там могло быть?

– Извини, что меня так долго не было. Я... сам знаешь, это не по моей вине. Родители были против. Они думали, что это опасно. Глупости! Я все равно здесь. И я не отступлю, пока не узнаю, кто в этом виноват. И тогда они все у меня попляшут.

В комнате было тихо. Так тихо, как бывает только в давно покинутых помещениях. Ни звука, ни скрипа. Но чье-то чужое присутствие ощущалось. Оно просто не могло не ощущаться – не зря же в этой комнате никто не мог надолго задерживаться, не то, чтобы ночевать.

– Я не знаю, где ты сейчас, но я знаю, что тебе плохо. Я это чувствую. И я сделаю все, чтобы отомстить твоему убийце. И не успокоюсь, пока ему не будет также плохо, как тебе. Я отомщу. Я обязательно отомщу, слышишь?

Звук. Просто колебание воздуха, от которого по спине бегут мурашки. Это не попытка запугать – это предостережение. Студенческое общежитие не замолкает почти никогда, и сейчас, вечером, оно полно жизни. Кто-то спешит в уборную, расположенную напротив, через коридор. Не годится, чтобы он видел лишнее.

– Ясно. Ухожу. Но я еще вернусь, обещаю!

Улицу Трех Венцов отыскать удалось легко – она начиналась сразу за небольшим часовней, посвященной Ладу и уходила круто вниз, в сторону городских стен и реки. Пройдя ее до

половины, Рихард уловил слабые запахи сырой воды, грязи, тины, рыбы – и винных дрожжей. А еще через пару минут заметил небольшой переулок, уходивший налево. Оповестительных табличек не было, но проходившая мимо женщина сказала, что это Винный переулок и есть. И что пустых домов там всего два – в начале и в конце улицы.

К тому моменту уже начало темнеть. Солнце наполовину скрылось за домами, в переулке было сумрачно и сыро. Ветер нагонял облака – погода обещала испортиться. Весь рюен-месяц* выдался прохладным и дождливым, и лишь иногда на небе проглядывало солнце. Студент невольно поежился. Место ему не нравилось – слишком уж уединенное. Разве согласишься, чтобы кормилица Магдалены жила в такой глуши? Хотя, если добротный дом достался ей по дешевке...

(*Рюен-месяц – первый месяц осени.)

Невольно касаясь рукой висевшего на боку фальшиона – пока не получит диплом некрманта, он не будет иметь права на ношение благородного оружия – Рихард не спеша двинулся вдоль по улице. Здесь жизнь уже замирала – ему встретилось всего два человека, и те торопились по домам. В окнах горели огоньки. Откуда-то тянуло запахом кухни.

Проходя по улице, студент постепенно замедлял и замедлял шаги и к дому подкрался, замирая и едва дыша. Недоброе предчувствие теснилось в груди.

Трехэтажный дом, стоявший в конце улицы, был стар. И не просто стар, а очень стар и заброшен, уже, наверное, лет десять тому назад. Облупилась краска на стенах, выломаны и выбиты ставни. Входная дверь перекосилась и висела на одной петле, травка проросла сквозь ступени крыльца, на крыше росло кривое деревце, а сама крыша с одной стороны начала проваливаться... Пахло затхлостью, заброшенным мертвым домом...

Мертвым...

Три года учебы в Колледже Некромантии все-таки оставили в памяти Рихарда какие-то крупинки знаний. Он сунул руку за пазуху, нашарил парочку амулетов, вытаскивая их на шнурках поверх одежды. Потом тихо достал ритуальный учебный нож и порезал запястье. Дождался, пока выступит несколько капелек крови и только после этого осторожно ступил на крыльцо. Конечно, нет шансов, что в этом доме поселилась нежить, но надо быть готовым ко всему.

Затаив дыхание, Рихард кончиками пальцев дотронулся до двери. Сосредоточился, вспоминая концентрационное заклинание, начертил на старом дереве пальцем несколько символов. Мельком подумалось, что лучше вот этой практики ему сейчас не сыскать. Пока однокурсники сидят в засаде на кладбище, пытаясь отловить одного-двух призраков, он пытается обнаружить следы псевдо-жизни в этом месте. Один, без прикрывающих спину товарищей и страхующего за пределами защитного контура преподавателя.

Ничего не произошло. Мысленно обругав себя за то, что не догадался прихватить учебник – и тут же отругав за то, что посторонние мысли лезут в голову, – он сделал еще шаг.

Дверь приотворилась с тихим скрежетом, который неприятно резанул по ушам. Казалось, вся улица могла его услышать. Но лишь эхо откликнулось где-то вдалеке.

Рихард сделал еще шаг, тихо лизнул окровавленное запястье. Был еще один способ обнаружить присутствие живых и псевдо-живых существ, и сейчас студент попытался скользнуть за грань, войти в транс, позволявший...

Трое. Три источника тепла, три еле уловимых сгустка жизни, ощущавшихся даже не органами чувств, а интуицией. Магдалена и... кто-то еще? Служанка? Граф фон Хайнц? Охранник? Может быть. По крайней мере, один из присутствующих, тот, что ближе, был мужчиной.

Рихард сделал еще несколько шагов, пересекая темную переднюю. Две двери вели в две комнаты, еще одна, под лестницей, наверняка выходила на кухню и к заднему крыльцу. Наверх вела единственная лестница. Благодаря ночному некрмантскому зрению, Рихард очень четко видел все вокруг, вплоть до деталей, разве что в черно-белом варианте. Он вспомнил, что

дом был трехэтажным, да еще имелся и высокий чердак, где при желании тоже можно было устроить маленькую комнатку – скажем, для служанки или бедного родственника. С размахом жила старая кормилица!

Стоило переступить порог, как стало ясно, что он ошибся. Людей было больше. Судя по его ощущениям, один человек ждал на лестнице, на повороте. Еще два – на втором этаже, в двух разных комнатах. Проще простого было подняться по лестнице и спросить графиню, но что-то удерживало Рихарда на первом этаже. Какое-то неясное предчувствие.

И в этот момент он услышал шорох. Даже не сам шорох, а его эхо, отголосок, финальный аккорд. Кто-то наверху не утерпел, совершил лишнее движение.

Лишнее...

Рихард понял, что его насторожило. Ожидавшая его графиня вместе со своими спутниками опасались лишней раз бровью повести, не то, чтобы сказать хоть слово или сделать хоть шаг. Они не просто ждали его прихода – они затаились.

Рихард попятился к выходу, от души благословляя Прове-справедливого за то, что уберег его от желания взлететь по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, в объятия любимой женщины. Те, кто его ждали, приготовили ловушку, и выскользнуть из нее удалось лишь чудом.

Но полноте! Ускользнул ли он уже? Рихард сделал еще шаг, и тут наверху раздался громкий скрип.

И не просто скрип – кто-то, получив безмолвный сигнал, рванулся вниз по лестнице, прыгая через ступеньки.

Неизвестно, что заставило парня не метнуться к выходу, а скакнуть к ближайшей боковой двери и дернуть ее на себя. Был короткий миг страха, когда казалось, что она заперта, но потом старый замок поддался, и беглец бросился в просторную пустую комнату, которая, судя по светлым пятнам на стенах и въевшемуся в пол, потолок и оконные рамы характерному запаху, у прежних владельцев была библиотекой.

Он навалился на дверь, закрывая ее изнутри, практически в тот самый миг, когда с треском распахнулась входная дверь, и треск был заглушен скрипом половиц и топотом ног сверху.

– Где?.. – голос незнакомый, отрывистый.

– Мы думали...

– К бесу, что вы думали! Где он?

– Вошел. Мы думали, что...

– Что он улизнул? Не уверен. Ищите везде. Далеко он не мог уйти!

Рихард скрипнул зубами, от души надеясь, что этот звук не будет услышан. Ловушка. И он почти влез в нее всеми четырьмя конечностями. Нет, действительно влез – ведь надо как-то выбираться из проклятого дома. И, желательно, замести следы как можно скорее. Ну, Магдалена! Ну, предательница! Написать...

– Дверь! Туда он шмыгнул.

Попался!

Замка или засова в библиотеке не было – а зачем? Если вдруг начнется пожар, разумнее держать проход открытым, чтобы без помех вынести самые ценные книги. Но о каком проходе он только что подумал?

Взгляд скользнул по стенам. Потемневшие от времени обои, светлые пятна там, где их годами закрывали стеллажи. Темный угол...

Да не угол, а еще одна дверь.

Он рванулся к ней, уже не пытаясь сохранить тишину. Услышал за спиной грохот распахиваемой главной двери и крик:

– Вон он!

Добежав, ударился о косяк всем телом и еле удержался на ногах, когда дверь не просто распахнулась, а практически вывалилась наружу вместе с ним. Чудом не свалившись, Рихард

шмыгнул в узкий коридор, едва не обдирая локтями стены и слыша, как сопят и топчут за спиной.

Коридор вывел на задний двор, запущенный и загроможденный обломками карет, покосившимся забором, строительным и прочим мусором. Похоже, что это место соседи использовали, как свалку. С двух сторон его окружали дома, с третьей был забор, с четвертой – проход на соседнюю улочку.

Прыгая через доски, колеса карет, бочки и горы отходов, Рихард пронесся через двор. Его преследователям тут повезло меньше – не обладая ночным зрением некромантов, они поминутно спотыкались, падали, натыкались на что-то. Один напоролся на какую-то железку, вскрикнул от боли. Другой рухнул, зацепившись за груды обломков старой мебели, которые свалились на него сверху. Только третьему удалось преодолеть полосу препятствий, но он потерял несколько столь необходимых секунд, выбирая безопасный маршрут. Рихард, успев добежать до проулка первым, выхватил фальшион и встретил преследователя по всем правилам фехтовального искусства. Мастер Хотислав не зря считал его одним из лучших на курсе и, пожалуй, на всем факультете.

У противника был точно такой же фальшион, только массивнее – явно наемник из бывших солдат. Фехтовать он умел, крови не боялся, но быстро подрастерял свою уверенность, когда столкнулся с противником, который двигался раза в два быстрее него, да еще и видел в темноте.

Выпад. Тычок, отход, снова выпад. Припасть на колено, пропуская чужой клинок над головой, ударить в ответ, выбросив лезвие вперед и вверх, одновременно вскочить на ноги и прыгнуть в сторону, уворачиваясь от падающего лезвия. Грозный удар, но без толку распарывает воздух. Противник уже сзади, бьет быстро, тут же отскакивает...

Наемник в первый миг не чувствует боль. Он разворачивается к неуловимому противнику, рычит что-то маловразумительное, кидается в атаку и даже успевает замахнуться и нанести удар, но земля вдруг оказывается совсем близко. Он падает, пытается встать, но не может из-за приступа внезапной боли, которая сменяется одновременно холодом и жаром. Наконец-то приходит боль – в спине. Ног он больше не чувствует, но пытается приподняться, дотянуться до наглого студента, который пятится, сжимая в руке фальшион, и смотрит так, словно пытается запомнить на всю жизнь.

Рядом топот ног. Его напарники наконец-то одолели полосу препятствий. Они измотаны, слегка потрепаны. У одного поцарапана ладонь, у другого, судя по тому, как он двигает плечом и рукой, сильный ушиб.

Не сводя глаз с новых противников, Рихард попятился. Он не боялся схватки, но драться до последней капли крови хорошо, только если защищаешь высокие идеалы. Например, чью-то жизнь или свободу. Или весь мир, как ни пафосно это звучало. Но умирать в бою здесь и сейчас... Ни за что!

Запах тины, рыбы и винных паров подсказал ему ответ. Он резко развернулся и метнулся по проулку.

В этом районе он не ориентировался, потому пришлось отрываться от преследователей еще и по этой причине. Он мог случайно оказаться в тупике и потратить на поиски выхода лишних несколько минут или секунд, нужных для спасения. Но – повезло. Добежав до конца проулка, Рихард увидел низкие деревянные сараи – склады. Здесь вином и рыбой не просто пахло – воняло так, что дух захватывало.

Но здесь было спасение.

Прибавив ходу, Рихард, как угорелый, пронесся мимо складов и выскочил на пристань. Старый дощатый настил загрохотал под его шагами. Не оглядываясь и не обращая внимания на то, что творится вокруг, и есть ли свидетели его безумного поступка, он на бегу сорвал с шеи шнурок с защитным амулетом, сунул его в рот, и с разбегу сиганул в воду.

Прыгать пришлось вперед ногами, и он ударился пятками о дно – хорошо, илистое, а не каменное. Короткая вспышка боли на миг оглушила, он чуть было не глотнул воды, но в последний момент успел стиснуть зубы и пригнулся, ныряя. Зашарил вокруг себя, ухватил обрывок цепи, подтянулся, используя застрявшую цепь, как якорь. Действовать пришлось вслепую – почти ночью, под водой, да еще в речной мути и иле все равно ничего не видно.

Он не знал, что происходит наверху, но догадывался. Услышав его топот по пристани, преследователи кинутся туда. Всплеск воды подскажет им, что беглец прыгнул в реку. Они постоят немного на краю, озираясь по сторонам в надежде, что он вот-вот всплывет – любой, прыгнувший в реку, постарается проплыть под водой как можно дальше, чтобы потом вынырнуть на безопасном расстоянии. Любой, но только не он. И дело не в том, что Рихард Вагнер не умел плавать – умел не больше и не меньше любого своего ровесника, который вырос рядом с рекой! – просто он не хотел поступать, как большинство. Лучше уж переждать.

Он держался под водой, пока хватало воздуха в легких. Потом, когда грудь заболела от недостатка воздуха, перед глазами поплыли цветные пятна, а сознание стало мутиться и челюсть заломило от желания вдохнуть, мысленно несколько раз проговорил заклинание концентрации. Прошлым летом на практике им приходилось не дышать по несколько минут, пока находились в гробницах. Заклинание концентрации позволяло телу какое-то время обходиться скрытыми резервами организма – например, дышать не через рот или нос, а порами кожи. Помнится, студенты все ворчали – зачем им это знание! – и теперь это умение неожиданно пригодилось.

Впрочем, ненадолго – ибо никто не может дышать под водой. Облегчение наступило всего на несколько секунд, после чего уже не только легкие, но и все тело и даже, казалось, волосы на голове взвыли от недостатка воздуха. Заставив себя успокоиться, Рихард двинулся наощупь в ту сторону, где, как ему казалось, был причал. Приходилось действовать медленно, чтобы не допустить ошибку и не выскочить, как пробка, с хрипом и слюнями захлебываясь воздухом пополам с водой.

Вот так. Еще немного. Еще чуть-чуть... Рука нашарила склизкую деревянную опору. Совсем немножечко продвинуться вперед – и можно поднимать голову над водой.

Он все-таки удержался – выдвинулся медленно и первый вдох сделал через нос, еще под водой выпустив из легких лишний воздух. И почти сразу услышал голос:

– Нет, подождем!

– Но...

– Тихо. Не ори! Хочешь, чтобы он нас услышал?

– А он услышит?

– Конечно! Он ведь где-то здесь...

– Не уплыл?

– Нет. Ты что, считаешь его таким глупцом? Не надо недооценивать противника. Он затаился тут, может быть, даже под нами!

Как хорошо, что эти два «профессионала» обменивались мыслями вслух! Это заглушило судорожный вздох-всхлип, который вырвался у Рихарда, когда он все-таки приподнял подбородок над водой.

– Тс-с... Слышал?

Мысленно чертыхнувшись, Рихард сделал еще один глубокий вдох и ушел под воду как раз вовремя – ныряя, он успел заметить мелькнувшую перед лицом светлую полосу – один из наемников вогнал клинок в щель между досками, наудачу пытаясь зацепить его острием.

Попался! Может, надо было все-таки попытаться отплыть подальше? Но кто же знал? Нет, он мог бы попытаться переплыть реку, но...

Что-то холодное коснулось его ноги, и Рихард едва не заорал во все горло, все-таки распахнув под водой глаза. В следующий миг из темной мути к нему выдвинулось узкое лицо,

слеplенное, казалось, из двух профилей, так что круглые немигающие глаза казались торчащими по бокам. Выдающийся нос, широкая щель рта, полная мелких треугольных зубов. Грива спутанных волос непрестанно шевелится, пульсируя – там, в ней, скрыты жабры. Каждый волосок – это крошечный орган дыхания.

Водяница. Что она тут делает так поздно? Ведь уже осень, вода ледяная, Рихард и сам чувствует этот холод, когда тело немеет и отказывается подчиняться. Ему бы вряд ли удалось переплыть реку сейчас.

Водяница протянула к нему перепончатые ладошки, коснулась лица. Прикосновения были неожиданно приятны. Ну, так это понятно – как же иначе они привлекают людей? Кого красотой, кого ласками. Сейчас, осенью, она уже не может поддерживать личину юной пышногрудой красавицы и пытается заполучить утопленника другими способами. Водяницы питаются жизненной силой тех, кого топят. На курсе нежитеведения им рассказывали, что водяница, если хочет перезимовать, должна утопить строго определенное количество людей – мужчин, женщин, детей – и накопить достаточно жизненных сил, чтобы хватило на долгую зимнюю спячку. А, если повезет, то и на возможность произвести на свет свою дочь. Этой, видимо, не хватило нужного количества энергии для того, чтобы залечь в спячку – ну еще бы, у пристани много людей и все зорко следят, если кто-то упадет в воду. Спасут прежде, чем водяницы доберутся до неудачника. Возможно, это последняя водяница в черте города. И ей очень нужна жизнь человека, чтобы продлить свое существование.

Жизнь человека... Но ведь не обязательно его собственная жизнь!

Озарение пришло внезапно. Рихард улыбнулся своим мыслям и, перехватив тянущиеся к его телу пальцы, сдавил запястье, что было сил. Водяница вытаращила и без того выпуклые глаза, распахнула пасть, готовая кусаться или ругаться, но прежде, чем нежить его атаковала, парень пальцами второй руки сделал отвращающий жест.

«Пусс-с-сти!» – прозвучал в голове чужой, лишенный эмоций, голос.

Он помотал головой.

«Пус-с-сти! Не буду! Пусту!» – водяница извивалась, пытаясь ускользнуть.

Он указал рукой вверх, провел ладонью по своему горлу, ткнув пальцем в ямку между ключиц – так называемый родник жизни – и его противница оцепенела. Тоже посмотрела вверх. Ее лицо ничего не выражало, но тело расслабилось, и она тихо ответила на пожатие.

Поняла! Теперь главное – не промахнуться.

Не выпуская ее руки, Рихард резко всплыл и с хрипом, наслаждаясь, хватанул ртом воздух. Амулет он еле успел сунуть за щеку, чтоб не подавиться.

– Ага! Вот он! Что я...

Они увидели друг друга одновременно. И одновременно же атаковали, но студент поспел на миг раньше. Его вторая рука ухватила наемника за рукав куртки, а стряхнуть холодные оочевенные пальцы тот не успел – две другие ладошки, с гибкими сильными пальцами, соединенными перепонками, вцепились в теплое, полное жизненной силы человеческое тело.

Будь ослабевшая от недоедания водяница одна, у нее ничего бы не вышло, но Рихард пришел нежить на помощь. Он дернул изо всех сил, и наемник кубарем рухнул в воду. Его отчаянный вопль захлебнулся во всех смыслах этого слова. Водяница прикинула к отчаянно барахтавшемуся человеку, обхватив всеми конечностями и присосавшись ко рту. Смотреть на это было противно, как противно и отдавать нежить живого человека, но этот человек хотел его убить. И не его вина, что Рихард убил его самого, в целях самозащиты воспользовавшись нетрадиционным оружием – водяницей.

Утешая себя подобным образом, он на четвереньках – у берега было слишком мелко, чтобы плыть – направился прочь. Добрался до какого-то пришвартованного судна, тихо всплыл, держась за якорный канат и стараясь вынырнуть так, чтобы его не было видно от при-

чалов. Оставшийся один наемник выглядел растерянным. Он, несомненно, видел нежить, утащившую его напарника, и теперь наверняка терялся в догадках, что делать дальше.

Что ж, это его проблемы. Рихард оттолкнулся от борта судна и, стараясь двигаться как можно тише, побрел к берегу. Времени оставалось в обрез. А ему еще надо было достать откуда-то сухую одежду!

Подбегая к кладбищу, он издали увидел висевшее над ним в воздухе особое бледно-зеленое свечение – верный признак того, что там разлиты и копятя некромантские чары. Значит, все уже собрались и подготовительная беседа по технике безопасности проведена. Как и теоретическая часть. Да, серьезно он опоздал! Но, может быть, есть шанс...

Глава 4.

Кладбищ в Зверине было три – старое и два новых. На старом уже давно никого не хоронили, и оно использовалось студентами Колледжа Некромагии, как полигон для практических занятий. И, если для того, чтобы провести занятие на одном из новых кладбищ, надо было заполнить кучу бумаг, заручившись согласием отцов города, эрцгерцога Зверинского и настоятеля обители монахов-«смертников», то на старом кладбище возле ворот имелась даже отдельная калитка специально для некромантов, которая отпиралась с заходом солнца – дескать, заходите, кто хочет и когда хочет.

Однако, на сей раз практика проходила именно на одном из новых кладбищ – по иронии судьбы, том самом, примыкавшем к улице Речников, где не далее, как вчера ночью Рихард прятался от наемников маркграфа фон Хайнца. С берега реки до него было рукой подать – улица Речников начиналась через квартал от того места, где парень выбрался на берег, – но по ряду причин ему пришлось задержаться еще на несколько минут и прошвырнуться по окрестным переулкам.

На его счастье, ворота были только прикрыты. Проскользнув внутрь, Рихард прислушался, всматриваясь в темноту. Где-то в глубине кладбища, в его старой части, где было больше склепов и благоприятнее условия для вызова духов, разливалось слабое сияние и тянуло таким привычным потусторонним духом. Эфир колебался. Студент ощущал волны магии – кажется, действие уже началось.

Скрестив пальцы на удачу и мысленно повторяя концентрационное заклинание – чтобы никакая потусторонняя сущность не застала врасплох – Рихард, пригибаясь, перебежками двинулся в ту сторону. Через несколько минут он оказался достаточно близко, чтобы увидеть, что происходит.

Его одноклассники столпились возле одного из свежих захоронений. Несмотря на то, что официально эта часть кладбища была закрыта, время от времени находилась кто-то из стариков, возжелавших быть захороненным именно тут, подле пращуров. Случалось, что прах покойника везли через полстраны и даже из-за границы, дабы он мог упокоиться в родовой усыпальнице. Чтобы сюда был погребен кто-то посторонний – такого не случалось уже лет пять. Из-за их спин слышался голос мэтра Сибелиуса:

– Как вы изволили только что определить, уровень магического фона в этом месте несколько отличается от показателей в окрестностях. Мы пришли к выводу, что это может означать либо спонтанное высвобождение накопившейся остаточной жизненной энергии, которая так или иначе присутствует в любом теле, либо мы имеем дело с событием, из ряда вон выходящим, – последние слова мэтр произнес с оттенком презрения. И так всем было ясно, что могила относительно свежая – какой-нибудь из дальних родственников решил, что удобнее всего его праху будет лежать именно здесь. – И теперь нам надо измерить уровень

энергии и определить ее объем и градус, а заодно попытаться установить причину высвобождения энергии...

– Но мэтр, – Янош Долин не блистал отличными оценками, но не спорить не мог, – ведь высвобождение накопившейся энергии названо спонтанным именно потому, что невозможно предугадать, когда произойдет выброс...

– Однако, можно попытаться установить зависимость между начальным количеством жизненной энергии и скоростью выброса, – уточнил преподаватель. – В каких случаях тело хоронят с максимумом возможной жизненной энергии?

– В случае внезапной насильственной смерти молодого, физически здорового человека, жившего, так сказать, полной жизнью или имевшего сильную привязанность к кому-то из оставшихся в живых, – отбарабанил Оливер. – Минимальный уровень жизненной энергии встречается у стариков или тех, кто много лет страдал каким-нибудь тяжелым недугом и скончался от этой болезни.

– Кроме того, максимальный уровень жизненной энергии мы встречаем у самоубийц, решившихся на этот шаг в состоянии аффекта, а также у женщин, умерших при родах или вскоре после оных. Минимальным уровнем жизненной энергии также обладают и новорожденные младенцы, особенно родившиеся раньше срока, – уточнил мэтр Сибелиус. – Естественно, что при разложении тела жизненная энергия начинает высвобождаться и, достигнув критической массы, высвобождается. Или рассеивается в эфире, если ее уровень изначально был ниже пороговой отметки... Итак, сейчас мы немного потревожим эту могилу, чтобы определить, каков изначально был уровень жизненной энергии покойника и, заодно, может быть, узнаем кое-что новое и интересное об этом человеке. Приступим!

Студенты под руководством наставника занялись подготовкой к обряду. Очертили защитный круг, заготовили свечи, обозначили двойной ряд символов, занимая свои места.

– Будьте предельно осторожны, – наставлял их мэтр Сибелиус. – Не дайте эктоплазме* вырваться из кольца! И прошу вас – сосредоточьтесь! Иначе...

(*Эктоплазма – здесь, жизненная энергия.)

В это время и подросел Рихард.

Еще подкрадываясь к одноклассникам, он слышал обрывки разговора и примерно представлял себе, что сейчас будет происходить. И тоже примерно понимал, что надо сделать, чтобы незаметно присоединиться к остальным так, чтобы мэтр не заметил его отсутствия.

Пользуясь ночной темнотой, он подкрался к Оливеру со спины и тихонько тронул приятеля за локоть:

– Привет!

Тот едва не подпрыгнул на месте с отчаянным воплем, но обернулся и затолкал крик обратно:

– Р-Рихард? Т-ты?

– Я, а кто же еще!

– Но п-почему ты в таком виде? Где твоя одежда?

Рихард щеголял в светлых женских панталонах, подвернутой и завязанной узлом на боку длинной ночной рубашке и поверх всего – кафтан, в котором могло поместиться трое таких, как он. И при этом босиком.

– Долго рассказывать, – он отмахнулся, не желая вспоминать, как, морщась и ежась от ветра, стаскивал мокрую, неприятно льнущую к телу одежду, как сворачивал ее в узелок и прятал подальше от чужих глаз, как наугад воровал с веревок на улице вывешенное для просушки белье и как был вынужден забраковать почти всю мужскую одежду – она либо не успела просохнуть, либо была ему ужасно мала. – Лучше скажи, что вы тут собираетесь делать?

– Проверять магический фон. Он тут удивительно высок. Как будто... Рихард, ты чего?

Но тот не ответил, блуждая взором по сторонам. Самое интересное и невероятное – он узнал то самое место, где был еще вчера. Будь на улице белый день, можно было подумать, что он ошибся, но сейчас, в сумерках... Никогда! Вон шпиль Храма Смерти, вот аллея, по которой он шел еще вчера, вот яма, в которую он чуть не упал, вот могила, которая...

Но позвольте! Эта могила и есть та самая яма! Другой свежей кучи земли здесь просто неоткуда взяться. Но это означает...

– Там никого нет, – прошипел он, пихнув Оливера локтем.

– Что?

– Никого нет, говорю же! Я тут вчера пробежал, когда прятался от наемников маркграфа. Тут была просто яма в земле, а труп исчез. Его, наверное, выкопали для анатомички и...

– Приготовились! – прозвучал голос мэтра Сибелиуса.

– К чему? – чуть не взвыл Рихард. – Тут пусто!

– Уверен?

– Да, я же говорил...

– Не терять концентрацию! – подоспел новый окрик наставника. – Внимание, я начинаю!

Раскинув руки в стороны, он принялся монотонно бормотать заклинание вызова, и на могиле сами собой один за другим загорелись огарки поминальных свечей. Студенты подхватывали заклинание, помогая себе пассами. И Оливер тоже!

– Ты что, ничего не чувствуешь? – изумился Рихард. – Там...

– Там крайне высокий уровень эктоплазмы, – отрезал Оливер. – Не мешай! Сейчас мы его...

– Что происходит?

Окрик мэтра Сибелиуса заставил вздрогнуть. Наставник выглядел сбитым с толку.

– Что это? Кто разомкнул контур? Где...

– Ой, мама, – пискнула Ханна.

Рихард успел только пожать плечами – мол, что он, в самом деле! – а потом в грудь ему ударил порыв ветра.

Вскрикнула девушка. Чертыхнулся наставник. Самого Рихарда встряхнуло, когда из недр могилы ввысь взвился столб света, в котором проступила чья-то фигура.

– *Ы-ы-ы...*

Низкий вой болью отозвался в костях и зубах. Кто-то из студентов упал на колени.

– Держать! – послышался голос мэтра Сибелиуса. – Держать...

Но было ясно, что ситуация выходит из-под контроля. Могила светилась ярко-зеленым светом, огоньки свечей на ней колебались, но не гасли, снизу подсвечивая парившую в воздухе фигуру.

– *Ы-ы-ы...*

Растопырив руки, призрак ринулся на Ханну и Изольду, которые стояли, держась за руки и только моргая. Изольда завизжала в полный голос и, резко стряхнув с себя руку оцепеневшей от неожиданности Ханны, со всех ног ринулась бежать. Призрак устремился за нею. Повыше подобрав юбку, Изольда неслась напрямик, с удивительной ловкостью и легкостью перескакивая через могилы и низкие кустики, а за нею плыл белесый силуэт.

– Маа-ама... Спасите! Помогите! Оно меня сейчас сожрет! – доносились издали ее вопли.

– Так ей и надо, – высказался Рихард.

– Студиозус Вагнер! – гневное шипение преподавателя некромантии не узнать было нельзя. – Это ваших рук дело?

Тот лишь развел руками – мол, так получилось.

– О вашем поведении, опоздании на занятие и неподобающем внешнем виде мы поговорим потом, – отмахнулся мэтр Сибелиус. – А сейчас... всем замкнуть внутренний ход и частично перекрыть внешний.

Приказ поспел вовремя. Как любой «сырой» призрак, этот не мог удаляться далеко от места погребения и, пролетев немного по пятам за удиравшей Изольдой Швец, стремительно развернулся и попытался атаковать остальных.

Рихард захотел было что-то сказать, и даже открыл рот, но его попытка осталась без ответа. Оливер рыбкой нырнул в толпу, принявшись раздавать указания. Шанс был неплохой – судя по всему, дух вырвался на свободу в первый раз, слегка ошалел от открывшихся перспектив.

Рихард занял свое место подле приятеля, встав в первом ряду, закрывая спинами парней, которые были послабее в магии.

– Знаешь, я вот тут подумал, – начал он шепотом.

– Тише, – шепотом окликнул его друг. – А то услышит еще...

И только он так сказал, как откуда-то повеяло сквозняком, а впереди мелькнула белесая тень. Тень воздевала руки к небу и стенала так громко и долго, что у Рихарда в душе волной поднялась самая настоящая злость.

– Но этого не может быть! – шепнул он Оливеру на ухо, особенно, кстати, не заботясь о том, что его могут услышать остальные. – Это место чистое, я сам его проверял!

– И что?

– И я не понимаю, как это можно здесь и сейчаа-а-а...

Призрак летел прямо на студентов.

Медлить было нельзя.

Рихард успел шагнуть вперед и решительным жестом поднял руку. Остановить призрака он не остановит, но вот задержать до подхода наставника – вполне.

Резкий взмах руки – и призрак отскочил, словно налетел на подушку. Но при этом задел одного из парней, и тот не придумал ничего нового, кроме как упасть на землю, корчась от боли.

– Никому не двигаться! – прозвучал новый приказ. – Всем оставаться на своих местах!

Невысокий плотный мэтр Сибелиус встал перед призраком, закрывая студентов собой. Одна рука касается связки защитных амулетов на груди, вторая поднята вверх, пальцы сложены в щепоть.

– Слушай меня, внимай мне, повинуйся мне...

Слова древнего ритуала подчинения текли ровно.

Призрак заколебался. По его телу пошла рябь. Он злобно зашипел, взмахнул руками, пытаясь пробить защиту противника, но... Но ощутил, что завяз в ней, как муха в патоке. А мэтр Сибелиус все наступал, выкрикивая снова и снова формулу заклинания подчинения и подкрепляя свои слова четкими, выверенными жестами. В эту минуту он был больше похож на некроманта с рекламных плакатов – уверенный взгляд, прямая спина, энергия, власть и сила. Сейчас уже никто не заметил бы ни кого обычного среднего роста, ни совсем не богатырского сложения, ни седины и мешков под глазами. Сейчас это был идеал, по которому вздыхают девушки и на которого хотят походить парни. Никто особо не удивился, когда мэтр заключительным жестом извлек из ножен на поясе ритуальный кинжал, полоснул себя по запястью, отворяя кровь и подкрепляя это действие несколькими словами, которые явно были вычитаны не в учебнике.

Призрак зашипел и осел на землю белесым клоком тумана, после чего втянулся в свежую могилу. Трава в том месте, где он коснулся земли, рассыпалась в прах.

– Уф, – некромант тихо перевел дух и, убрав кинжал, двумя пальцами зажал рану на запястье. – Молодцы, хочу сказать! Никто не запаниковал, никто не поддался искушению погеройствовать... Хотя ситуация к тому располагала.

Рихард удивленно покосился по сторонам – то, что он пытался остановить призрака, кажется, осталось незамеченным.

– Занятие окончено, – провозгласил вслед за этим мэтр. – Все свободны. Домашнее задание – попытаться самостоятельно рассчитать уровень эктоплазмы. Условия – мужчина, – он поискал глазами одно из ближайших надгробий, нашел подходящее и стал считать данные именно с него, – пятидесяти лет, скончался от тяжелой продолжительной болезни. Подготовьте три варианта. В первом – он до момента болезни отличался отменным здоровьем, во втором случае – здоровье его изначально было слабым, он всю жизнь был болезненным, подверженным всевозможным недугам, и третье – здоровье у него было хорошее изначально, но подточенное неумеренными излишествами, что и привело к заражению. Рассчитать уровень эктоплазмы, которая образуется на третий день, на девятый, на сороковой и примерно обозначить, когда она может достигнуть критической массы. Понятно?

Студенты торопливо закивали, недоумевая, почему практика закончилась так рано. Обычно они проводили на кладбище часа три и завершали занятие уже после того, как пробьет полночь. Именно звон колокола в Храме Смерти и был условным сигналом, по которому прекращались любые действия студентов. Но сегодня...

– И надо найти студентку, – мэтр убедился, что кровь больше не течет, полез в карман плаща за платком, перепачкав сам карман. – Эту, новенькую... Добровольцы есть?

– Я, – Ханна шагнула вперед. – Изольда моя подруга и...

– Это хорошо, – кивнул мэтр Сибелиус. – Надеюсь, что вы повлияете на свою подругу и скажете ей, что подобные истерики не доведут до добра. Некромант должен уметь держать свои эмоции в узде.

– Я тоже, – Оливер незаметно подмигнул Рихарду, и тот его понимал. Приятель хотел в полной мере насладиться испугом заносчивой блондинки. К его удивлению, еще трое парней высказали желание отправиться на поиски. Остальные предпочли убраться с кладбища, шепотом обсуждая увиденное между собой. Настроение у всех было подавленное.

Рихард и сам бы с удовольствием покинул это место, и только он сделал шаг в сторону выхода, как его остановил холодный голос:

– А вас, Вагнер, я попрошу остаться!

– Но я... хотел... домашнее задание...

– И объяснить мне и всем присутствующим, где вы были, почему опоздали на занятие и что делаете тут в таком виде?

Кажется, только сейчас остальные заметили, во что одет их приятель. И это оказалось последней каплей.

Студенты хохотали так, что вспугнули с деревьев ночевавших там ворон, и стая с яростным карканьем закружила над головами. Нервное напряжение от встречи с призраком выплескивалось в этом смехе, но Рихарду было не до веселья. Он лихорадочно придумывал, что бы такое соврать. Сказать, что все это время был тут – не прокатит.

– Я...э-э...задержался, – выдавил он. – По независящим от меня обстоятельствам...

– Вернее, обстоятельства эти явно весили столько, что сопротивляться было бессмысленно?

Новый взрыв хохота был ответом на эти слова. Рихард побагровел, но сдержался – если он начнет все отрицать, приятели только утвердятся в том, что мэтр сказал чистую правду. Самое противное было, что на курсе он слыл отъявленным бабником, который просто не мог пройти мимо женщины. По нему вздыхала почти всех студенток, а сколько женщин и девушек города

замирали при виде высокого красивого блондина, учету не поддавалось. Но, как говорится, рано или поздно даже бабника припирают к стенке.

– Да, бессмысленно, – кивнул он. – Но на моем месте любой бы поступил также – ради спасения своей жизни.

Мэтр Сибелиус – единственный, кто даже не улыбнулся – внезапно прищурился и смерил студента таким взглядом, что тому стало слегка не по себе. Неужели на нем остались следы контакта с водяницей? Она ведь нежить, а кто лучше некроманта умеет чують существ из иного мира?

– Отставить веселье, – повысил голос он. – Все отправляются спать. А вы – все-таки задержитесь.

– Но я должен...

– Мне лучше знать, что вы должны, студизус Вагнер! – отрезал некромант. – Следуйте за мной... Добровольцы – вперед!

Растянувшись цепочкой, студенты и преподаватель углубились в недра кладбища.

– Будьте предельно внимательны, – громким шепотом наставлял их мэтр. – Этот спонтанный выброс эктоплазмы мог вызвать всплеск активности... Хотя подобное на старых кладбищах – явление редкое, но – увы! – существующее.

Он оказался прав. Некоторые склепы окутывала слабая зеленоватая или бледно-голубая дымка – верный признак того, что здесь лежат покойники, похороненные меньше года тому назад, а значит, еще способные к самопроизвольной материализации. Одно лишнее слово заклинания, один лишний взмах руки – и на волю мог бы вырваться еще один призрак. Напуганная студентка *могла* это сделать, а, учитывая ее нервное состояние, справиться с вызванным ею самой духом она не сможет. И кто знает, чем это обернется впоследствии?

Это обернулось именно так, как и предсказывал мэтр Сибелиус. Один из склепов светился ярче остальных. Именно там и обнаружилась забившаяся в уголок Изольда Швец. Девушка белыми от ужаса глазами смотрела на нависавшего над нею призрака, слабо лепеча что-то и время от времени взмахивая рукой так, словно отгоняла надоедливого комара.

– И... изы-ы-ыди, – всхлипывала она. – Уйд-ди... пошел прочь... как там тебя... не боюсь... нет у тебя власти... мамочка...

Мэтр Сибелиус возник рядом, решительно взмахнул рукой, ногтем, не тратя времени на то, чтобы достать кинжал, ковырнул свежий струп на запястье.

– Слушай меня, внимай мне, повинуйся мне, – забормотал он. – Ступай назад, в Бездну, туда, где тебе и место!

Несколько концентрационных пассов – и призрак отпрянул, растворяясь в воздухе. А преподаватель склонился над студенткой, протягивая руку:

– Выбирайтесь оттуда! Иначе отморозите себе самое главное.

– Мозги? – робко предположил Оливер.

– Задницу! – рявкнул мэтр. – Голова у некоторых явно не является жизненно важным органом!

Рихард толкнул приятеля локтем. Он наслаждался унижением заносчивой блондинки, которая с трудом встала на ноги, цепляясь за руку преподавателя. При этом она, случайно или нарочно ухватила как раз за порезанное запястье, но у некроманта только нервно дернулась щека.

– Ой, п-профессор, – пролепетала она, – а я... так исп-пугалась... Когда оно... она... ну...

– Я испугался больше, – честно признался он.

– З-за меня? – Изольда выпрямилась.

– За себя, – отрезал тот, выкручивая ей кисть, чтобы освободить раненое запястье. – Если бы с вами что-то случилось, у меня были бы неприятности, студизус...

– Швец. Изольда Швец, – представилась девушка.

– Очень приятно, – сухо отметил мужчина.

– А уж как мне приятно, – залепетала она, мгновенно переходя от страха к кокетству. – Вы меня спасли и...

– И жалею об этом! Жду вас в конце седмицы на дополнительное занятие... К вам это тоже относится, студиозус Вагнер! Где меня найти, вы знаете. Только в следующий раз постарайтесь успеть переодеться во что-нибудь мужское! Все свободны!

Не прибавив более ни слова, мэтр Сибелиус решительно направился к выходу.

Вопреки всем ожиданиям, обе пары алхимии прошли спокойно. Но когда студенты покинули аудиторию, пропахшую ароматами жженных костей, паленой шерсти, аммиака и лаванды – смесь получилась просто убийственная! – и спешили выйти на улицу, чтобы немного надышаться свежим воздухом перед тем, как отправиться на лекцию по нежитеведению, уже у входных дверей их догнал недовольный голос:

– Нет, это никуда не годится!

Преподаватель алхимии, низенький плотный, лысеющий мэтр Анастасий, шариком выкатился под ноги студентам. От его мантии так пахло зельями, что несколько боевых магов, случайно проходивших мимо, торопливо зажали носы и поспешили прибавить шагу.

– Это никуда не годится, господа студиозусы! – воскликнул алхимик дрожащим от негодования голосом, размахивая руками. – Сколько лет работаю, а такой случай произошел впервые!

– А что случилось? – Рихард, как самый высокий в группе, всегда испытывал желание присесть перед преподавателем на корточки, как перед испуганным ребенком.

– Стоило мне отвернуться! Как вам не стыдно, господа студиозусы? Я обо всем доложу ректору! Я этого так не оставлю!

– Да в чем мы виноваты?

– Вы меня обокрали!

Это заявление заставило всех удивленно переглянуться. Подобного действительно не случилось в стенах Колледжа практически со дня его основания. Случалось всякое – драки, пожары, вандализм и порча чужого имущества, самоубийства, дуэли со смертельным исходом, несчастные случаи во время практики – только за последние пять лет трое студентов погибли и еще пятеро остались инвалидами – но вот чтобы воровство... Такого не помнил никто.

– А что пропало?

–И вы еще спрашиваете! – окрысился мэтр Анастасий. – Воры сами должны знать, что брали!

– Мы не воры! – тоже рассердился Рихард. – И вы не имеете права нас оскорблять!

– Я имею право подвергнуть вас телесным наказаниям и посадить под арест! – почти завизжал алхимик. – Да поймите же вы, бестолочи, что с алхимическими зельями не шутят! Некоторые ингредиенты мало того, что опасны в неумелых руках, но еще и чудовищно дороги! Вы знаете, сколько стоит один гран слез единорога? А желчь новорожденных младенцев? А жабий камень?

Оливер презрительно фыркнул, и его поддержали нервными смешками – уж что-что, а жабий камень они по заданию того же мэтра Анастасия добывали горстями. Достаточно было отправиться к берегу любого водоема и наловить лягушек. Правда, надо было искать лягушек и жаб строго определенной расцветки...

– У вас пропала желчь младенцев?

– Если бы! Экстракт синего корня!

Студенты переглянулись. Они занимались алхимией не первый год, но первый раз слышали такое название.

– Может, синеголовника? – предположил кто-то.

– Может, вор хотел именно синеголовник? – с надеждой подхватил мэтр Анастасий. – И просто перепутал... Я готов обменять один экстракт на другой. И даже добавить один безоар* в довесок! Только пусть вернут синий корень! Вы сами не знаете, что это такое!

(*Безоар – камень, образующийся иногда в желудках козлов, входит в состав многих противоядий.)

– Но мы действительно не знаем... И потом, разве обязательно это сделали мы?

– А кто же еще? – развел руками алхимик, глядя на студентов снизу вверх. Пожалуй, только низкорослому Оливеру не приходилось наклонять голову при разговоре с ним. – Утром синий корень был еще на месте, а после вашего занятия я заметил, что шкаф открыт. И его нет! Значит, он у кого-то из вас! Отдавайте! – с этими словами он протянул пухлую ладошку.

– У нас его нет! Ни у кого! – ответил Оливер за всю группу.

– Ладно. Я все равно узнаю, кто его украл. И тогда поркой и карцером он не отделается! Погрозив кулаком, мэтр Анастасий укывлял прочь. Студенты смотрели ему вслед.

– А этот синий корень, – подала голос Изольда, – он для чего?

Все выжидательно посмотрели на Оливера. И тот не подвел:

– Экстракт синего корня входит в состав некоторых зелий, которые используются для того, чтобы ввести кого-либо в состояние, близкое к коме. Короче говоря, он позволяет парализовать кого-либо на неопределенный срок. Время зависит от многих факторов – концентрации экстракта в конечном продукте, возраста и состояния здоровья жертвы, наличия или отсутствия остальных компонентов... А также того, как давно приготовлен эликсир и во что он был подмешан, чтобы скрыть истинный весьма специфический привкус – в вино, воду или медовуху. Помните, в прошлом году мы проходили тестирование на вхождение в транс? Тогда еще Марта Браницкая документы забрала – мол, ей не понравилось учиться!.. Так вот, нам перед тем, как входить в транс, давали по несколько капель разведенного в молоке экстракта синего корня пополам с отваром лютика и белладонны.

– И откуда ты все знаешь? – невольно восхитилась Изольда.

Маленький ростом Оливер выпятил свою не такую уж мужественную грудь:

– Просто я умный! Очень умный...

– Ага, и скромный!

– Ну, – отмахнулся парень, – скромность не чума. От нее не умирают! Но меня сейчас больше волнует другой вопрос, – добавил он деловым тоном. – А что, если этот экстракт действительно украли? Только кто и зачем?

Бессменному ректору Колледжа Некромагии было не до всех утраченных эликсиров, настоек и экстрактов, вместе взятых. Облокотившись на стол, он внимательно слушал мэтра Сибелиуса, который, сидя напротив, ровным голосом докладывал о результатах практического занятия на городском кладбище.

В кабинете ректора царил тишина и полумрак – здесь плотные темные шторы никогда не раздвигались целиком, приоткрываясь чуть-чуть лишь в пасмурные дни или ближе к вечеру. Но сейчас был только полдень, и шторы оставались задернутыми так, что лишь в одном месте пробивался тоненький лучик света. Чтобы не было совсем уж темно, на столе справа и слева от ректора горели две свечи. Обычные. Восковые. Рассказывая, мэтр Сибелиус смотрел на огонек одной из них.

– В общем, я не уверен, что студиязусы поняли, с чем нам пришлось столкнуться... Я и сам тогда не сразу сообразил – не до того как-то было. Ну, вырвался призрак, ну кинулся на живых, ну атаковал... Так первый раз, что ли? Так его нейтрализовать надо, и все дела! Стандартная формула, можно было любого парня попросить – на четвертом курсе они уже должны знать такие вещи! Но потом присмотрелся...

– И поняли, что ничего не понимаете, – кивнул ректор.

– Да, милорд ректор. То есть, догадка у меня была, но проверять ее сразу... Короче, я скоренько свернул занятие, отпустив ребят пораньше, чтобы под ногами не путались, проводил их до общежития, а потом, прихватив кое-какой инвентарь, вернулся, чтобы исследовать.

– Ну, и что там такое?

– То, чего я... В общем, ситуация стандартная и при других обстоятельствах даже в какой-то мере типичная... Ритуальное погребение.

– Вот как? – преувеличенно заинтересованно промолвил ректор.

– Оговорился, виноват. *Почти* ритуальное захоронение. Известна методика создания зомби – жертва вводится в транс, после чего хоронится, чтобы некоторое время спустя быть извлеченной и особым образом воскрешенной. Пока она лежит в могиле, погибает мозг, и после того, как покойника оживят, появляется зомби – вроде как живое, но совершенно неразумное существо, которое прекрасно понимает человеческую речь и способно выполнять полученные приказы, но само говорить не может и проявлять инициативу не в состоянии. Проще говоря, они даже поесть без команды: «Ешь вот это!» – не могут. Зато с послушанием у них все в порядке... И с работоспособностью...

Мэтр невольно сделал паузу, которую ректор прекрасно понял:

– Практически идеальные студюзусы, не так ли?

– Если бы! – усмехнулся некромант. – Головы-то пустые, что у тех, что у других. И если среди наших оболтусов еще встречаются умники и умницы, то среди зомби мыслящее существо найти нельзя. Им мыслить нечем!.. В общем, на первый взгляд, можно было подумать, что тут тоже кто-то пытался создать такого вот зомби и с этой целью захоронил живого, но одурманенного человека. Однако, имевший место выброс жизненной силы, а также ее объем свидетельствовал о том, что жертва не была одурманена и просто-напросто скончалась, заживо погребенная.

– Ну, это не такое уж из ряда вон выходящее событие! – отмахнулся ректор, перед мысленным взором которого стройные ряды студюзусов маршируют из столовой на лекции, а потом также строем идут в общежитие, где ложатся спать. И никаких тебе ночных гулянок, никаких драк, никакого нарушения дисциплины... А что, если... Говорят же, что если очень хочется, но нельзя, то все равно можно! – И подобное случается, как ни прискорбно это признавать! Родственники любой длительный обморок или летаргический сон воспринимают, как смерть и порой хоронят мертвеца даже без отпевания – утром помер, днем закопали, вечером помянули, а через сутки встали и спокойно пошли по делам. А жертва их ошибки умирает мучительной смертью и превращается в упыря, отправившись мстить своим родичам за фатальную поспешность.

– Да, я знаю, что в этом случае через девять или сорок дней на свет появляется упырь, – отмахнулся некромант. – Но чаще всего это случается от незнания. А здесь все указывало на то, что могильщики прекрасно знали, что хоронят живого человека, что в гробу не покойник.

– То есть... убийство?

– Да.

– И вы...

– В некотором роде свидетели. Ибо любой практикующий некромант подтвердит мои слова – в могилу был зарыт живой человек. Зарыт нарочно! И для этого была использована одна из относительно свежих могил на территории кладбища, где уже лет двадцать, как не хоронили никого постороннего. На обычном, часто посещаемом и активном кладбище, где почти каждый день кого-то хоронят, сложнее замести следы. Там больше посетителей. Тут же практически никого нет. Десяток монахов и столько же постоянных прихожан, присмотревших себе местечко рядом с отцом, дедом, дядюшкой – вот и все. Да тут неделями никто не появляется. А скоро зима. Если все откроется, с эксгумацией придется ждать до весны. А за это время...

– Вы правы, мэтр, за это время может произойти что-то еще...

– Вот я и подумал... что нам делать, милорд ректор? – преподаватель некромантии только что в глаза начальству не заглядывал.

– Ничего, – помолчав, отрезал ректор. – Ничего такого, что может навлечь подозрение на наш Колледж. Вы понимаете, что это может бросить тень на всех нас? Этот несчастный, кем бы он ни был, обречен превратиться в упыря. Через сорок пять дней...

– Через сорок пять дней – Святая Ночь*, – припомнил некромант. – Его появление должно быть подготовлено с большой помпой...

(*Святая Ночь – последний день грязеня, второго осеннего месяца. Считается днем разгула нечистой силы, после которого она впадает в спячку до весны.)

– Или наоборот, о нем должны будут все забыть. Тот или те, кто отправил несчастного на тот свет, даже не рассматривали такую опасность, как упырь.

– Но ведь это убийство! И мы можем...

– Мы ничего не можем, мэтр, – ректор шлепнул ладонью по столу. – Ни отыскать убийцу, ни привлечь его к ответственности. Ибо мы – некроманты! Про нас скажут, что мы пытаемся замести следы... Но потом – как мы найдем имя убийцы и его жертвы? И зачем? Чтобы восторжествовала справедливость? Хорошо, пусть так. Но пока это напрямую не связано с нами, мы не должны ни словом, ни жестом не выдать, что нам что-то известно. Это уже головная боль городских некромантов. Я могу даже написать одному из них – мол, среди наших кругов ходят такие странные слухи о том, что на старом кладбище что-то творится. Попрошу проверить все документы... скажем, у тех, кто умер в этом учебном году. И это – самое большее, на что мы можем рассчитывать.

В это время с грохотом распахнулась дверь.

Мэтр Сибелиус успел только вздрогнуть. Порог ректорского кабинета даже не переступил, а перепрыгнул преподаватель алхимии мэтр Анастасий.

– Бес! – хором воскликнули оба мужчины. Один – от неожиданности, а другой – из солидарности. – Ну, нельзя же так врываться!..

– Караул, – профессор-алхимик прикрыл за собой дверь и дальше общался громким шепотом. – Обокрали! В Колледже завелся вор!

– Да? – собеседники переглянулись. – И кто жертва?

– Я!

– Постойте, обокрали вас?

– Да! Да! Именно меня, – мэтр Анастасий чуть не прыгал на месте, размахивая руками. – Я – жертва беспредела! Но, по счастью, у меня есть подозреваемый. И даже не один!

– Вот как, – изобразил заинтересованность ректор. – И кто же это?

– Третья группа четвертого курса некромантии, – отбарабанил алхимик с таким видом, словно он заранее знал, какой вопрос зададут. – Они были у меня на занятии. Первый час был посвящен их домашним работам, второй – самостоятельному составлению эликсиров. Были даны десять ингредиентов. Требовалось создать хотя бы по капельке максимальное количество разных эликсиров, по-разному тасуя эти колоду... Конечно, им разрешалось использовать и, так сказать, то, что под ногами валяется – вода, прядь волос, нитка из одежды... Они прекрасно справились с заданием. Меньше пяти вариантов различных эликсиров ни у кого не было! А студиозус Жижка вообще создал четырнадцать, да еще и вывел формулу, по которой можно было рассчитать время действия каждого эликсира. Я был доволен... И вот после занятий замечаю, что дверца шкафа приоткрыта.

– А вы случайно не заметили, была ли она закрыта до начала занятий? – вкрадчиво промолвил ректор.

– Вы подозреваете меня в том, что я страдаю рассеянным склерозом? – все-таки подпрыгнул мэтр Анастасий. – Вы сами-то поняли, что сказали? Чтобы я, алхимик с двадцатилетним стажем, и мог что-то забыть? Я держу в голове несколько сотен различных рецептов, мне

даже нет нужды смотреть в справочники, чтобы определять растения, идущие на изготовление того или иного снадобья, я еще ни разу не жаловался на память...

– Но, с другой стороны, все когда-то происходит в первый раз, – перебил его ректор. – Так, может быть...

– Вы верите каким-то студиозусам больше, чем мне?

Ректор пожал плечами:

– Пока вы не представите убедительные доказательства – увы... Напомните, что за группа была у вас?

Алхимик покачал головой, явно намекая, что с памятью не все в порядке у кого-то другого.

– Третья у четверокурсников, – повторил он.

– Странное совпадение, – тут же откликнулся молча сидевший в сторонке мэтр Сибе-лиус, – и у меня тоже.

– Что, у вас тоже что-то пропало? – мигом развернулся к нему алхимик. – Видите. Милорд ректор, это уже...

– Это пока еще совпадение, но вчера именно во время прохождения практики *этой* группой имел место весьма странный случай... Впрочем, он не имеет прямого отношения к молодым людям. Просто именно они оказались свидетелями проступка, совершенного кем-то, пожелавшим остаться неизвестным.

– Однако, даже в гражданском суде двух свидетельств достаточно для вынесения приговора, – взвился алхимик. – Милорд ректор, я настаиваю на том, чтобы над третьей группой установили жесткое наблюдение! Может быть, даже навесить на них поисковые заклятья...

– Нет! – жесткая ладонь ректора упала на стол с такой силой, что подпрыгнуло не только все, что на нем лежало или стояло, но и оба преподавателя. – Один случай – это случай. Два случая – совпадение и ничего больше. Три – уже статистика. Когда – и *если* – ко мне придет *третий* наш коллега и скажет, что с третьей группой четвертого курса происходит или произошло что-то из ряда вон выходящее, только тогда – и то, если это свидетельство окажется достаточно серьезным! – только тогда я и приму решение об установлении наблюдения. А пока – все свободны. Отправляйтесь на свои рабочие места, коллеги и займитесь своими прямыми обязанностями!

Он не прибавил более ни слова, не сделал ни одного жеста, но некромант и алхимик одновременно повернулись и направились к дверям.

Не подозревающие о том, какие тучи собираются над их головами, студенты четвертого курса собрались перед дверью в лекционную аудиторию. Почему-то никто не спешил заходить, все топталось у порога, переглядывались, перешептывались, кто-то торопливо листал справочники и конспекты, кто-то прислушивался к доносящимся изнутри шорохам, но ни одна рука не тянулась к дверной ручке.

– Что стоит? Кого ждем? – бодро поинтересовалась Изольда, вместе с Ханной подходя к остальным.

– Тс-с... Тихо! – зашипели на девушек со всех сторон. Ханна тут же понятливо закивала и поднесла палец к губам – мол, поняла, молчок.

– Да что случилось-то? – не сдавалась ее подруга.

– Там кто-то есть! – приблизив губы к ее уху, шепнула Ханна.

– Где?

Вместо ответа девушка указала на дверь.

– И что с того?

– Да ты помолчишь или нет? – зашикали на нее со всех сторон, так что Ханне пришлось за локоть оттащить Изольду подальше, к окну.

– Подождем, – рассудила она. – Все равно помочь вряд ли сможем. Если там Жижка...

– Жижка сидит в аудитории?

– Нет. Но Жижка может определить, кто там прячется и...

– И что?

– И только после этого мы можем попытаться нейтрализовать ту тварь, которая там прячется.

– Тварь? Ты хочешь сказать, что там...

– Там может быть любое чудовище. Понимаешь, любое! И, если мы войдем без защиты, оно может кого-то из нас сожрать!

– Ой-й-й...

Хлоп! Ханна успела зажать подруге рот прежде, чем она завизжала.

– Чего орешь? Это аудитория, где нам читают лекции по нежитеведению!

Девушка замолчала и уставилась на студентов, которые все переговаривались и время от времени прислушивались к звукам из-за двери. Кто-то уже нашел в учебнике подходящий отрывок и тыкал в него пальцем, привлекая внимание остальных. Низкорослого Оливера Жижки видно не было, зато маячила светлая шевелюра Рихарда, а все знали, что где один, там и другой.

– И что, вот так всегда? – прищурилась Изольда. – Вы часами топчетесь под дверью прежде, чем войти?

– Ну, бывало, что переступить порог мы могли только в присутствии преподавателя, – припомнила Ханна. – А бывало, что там никого и не было, и мы зря опаздывали на лекцию.

– А что будет, если мы так и не сможем войти в аудиторию? Занятие не состоится?

– Состоится. Два раза, – произнес мрачный голос рядом.

К удивлению Ханны, рядом с ними обнаружился Оливер собственной персоной. Парень выглядел не лучшим образом – вспотел, волосы взлохмачены, взгляд растерянный и сердитый.

– Ну? – выдохнула Ханна.

– Не знаю! – огрызнулся он. – Я ничего не чувствую! Понимаешь? Ни-че-го! Пусто! Не стерильно, конечно, после того, как там побывало столько нежити и даже парочка мроев*, но ничего нового я не чувствую!

(*Мрой – дух похороненного заживо человека. Подробнее см. «Записки провинциального некрманта»)

– А может, там что-то старое?

– А может быть, вспомнишь, что мэтр Йоганн никогда не повторяется? – фыркнул Оливер.

Ханна вздохнула и покачала головой. Вот уж этого она точно не могла припомнить.

– Ты хочешь сказать, вы перед каждой лекцией все эти годы торчали под дверью и пытались войти? – Изольда добивалась полной ясности.

– Практически да. Первые две седмицы, когда нам только начали читать курс нежитеведения, мы входили беспрепятственно, а потом однажды – ба-бах! – и посадили шумного духа. И с тех пор мэтр ни разу не повторился.

– Но это невозможно! Где он берет столько видов нежити?

– Он еще и нечисть использует, – мрачно буркнул Оливер. – И иногда нелюдей тоже. Вампира вот в прошлом году запер. Голодного.

– Бедненький, – вздохнула Ханна.

– Кто? Вампир? – изумилась Изольда. – Ты этих тварей жалеешь? Они же уроды! Чудовища! Мутанты! Мы для них – еда. Они не способны на чувства, не могут...

– Они – больные люди! – кинулась в бой Ханна. – Они не виноваты, что заболели! И если эта болезнь неизлечима, это еще не повод, чтобы делать человека изгоем! Это не вампиры сами по себе жестоки – жестоки люди, которые выбрасывают своих заболевших родственников

на улицу вместо того, чтобы хоть как-то им помочь! Хотя бы поддержать морально и попытаться облегчить им существование! А жестокость порождает только жестокость! – она почти кричала, но – странное дело! – никто из студентов не пытался попросить Ханну Руге говорить потише.

– Чего ты разошлась-то, подруга? – воскликнула Изольда. – Подумаешь, вампиры!

– У нее мама от вампиризма умерла, – Оливер обнял подругу за плечи. – Заразилась, стала вампиром, а родные взяли и выгнали ее из дома. Даже с Ханной попроситься не дали. Она потом умерла. От голода и... болезни. Вампиризм же не лечится, от него рано или поздно умирают. Можно только продлить существование на какое-то время – с помощью донорской крови. Но конец все равно один...

Ханна обняла друга за шею и расплакалась.

– Зачем они... так? – всхлипывала она. – Я бы за нею ухаживала... Она бы... мы бы вместе что-нибудь придумали... А папа... зачем он... Почему-у-у...

– Он боялся. Люди боятся вампиров, путая их с упырями.

– И те, и другие пьют кровь, – высказалась Изольда. – И те, и другие порой ради этого убивают. И те, и другие, по сути дела, мертвы. И, между прочим, из тех, кто умер от вампиризма, самые жуткие упыри и получают! Потому что после смерти у них все инстинкты высвобождаются!

– Зачем ты так? – воскликнул Оливер. – А если бы это была твоя мама?

Блондинка поджала губы.

– Ой... ну, это... извини, мне жаль твою маму, но...

– Ничего, – Ханна с усилием выпрямилась, ладонью вытерла слезы. – Я в порядке... Я потому сюда и поступила. Хотела стать целительницей и найти лекарство от вампиризма, чтобы и другие не заражались, а если заражались, то чтобы можно было вылечить. Не хватило одного балла... А сюда как раз прошла. И осталась, – она вздохнула. – Здесь интересно...

– И можно спокойно уничтожать вампиров, чтобы они не заражали остальных, – подхватила Изольда. – А что такого? Мсть – это тоже благородно!

– Смотря, кому и за что мстить! – рассудительно промолвил Оливер. – Да что они там копаются? Неужели мэтр на сей раз какую-нибудь новую тварь для нас отловил?

Студенты так и не смогли пока попасть внутрь аудитории – несмотря на то, что уже минуту назад прозвучал колокол, призывающий на занятия. Дискуссия у порога разгоралась нешуточная. Одни считали, что пора звать на помощь преподавателя. Другие стояли за то, что стоит продолжать попытки – мол, на работе не к кому будет бежать за помощью. Нашлись и такие, кто предлагал подождать еще немного, а потом просто уйти – мол, занятие сорвано и не по вине учеников.

– Что будем делать?

Ханна задала этот вопрос вроде как сразу всем, но откликнулась на него только Изольда.

– Что делать? Действовать! Эх, мужчины!

Тряхнув светлой косой, она решительно протолкалась к дверям. Спихнула чью-то руку, попытавшуюся цапнуть за локоть:

– Отвали!

– Куда лезешь? – девушка узнала Рихарда Вагнера и смерила его презрительным взглядом:

– Тебя не спросила!

– Именно что не спросила. Мы не знаем, что там притаилось...

– Вот я сейчас это и выясню. Эх, вы! А еще некроманты!

С этими словами Изольда решительно распахнула дверь и переступила порог.

Секунда... другая...

Глава 5.

Тишина.

– Ну, и нашли, чего бояться! – студенты хором выдохнули, услышав сердитый шепот Изольды. – Тут никого и ничего... Ой! А это что за-а-а-а...

Студенты сорвались с места с такой скоростью, что первые двое застряли в дверях.

– Назад!

Сорванный хриплый голос приковал всех к месту. Образовался небольшой водоворот – кто спешил подчиниться, кто – наоборот. В результате толпа кое-как расступилась, пропуская в аудиторию преподавателя – рыхлого высокого лысеющего мужчину лет пятидесяти со слегка опухшим лицом в заляпанной чем-то мантии. Разминая пальцы, он пошел внутрь. Изольды не было видно, но из аудитории доносился достаточно красноречивый хрип.

– Свет! – короткий приказ был подкреплён яркой вспышкой – загорелись выставленные на кафедре свечи. Резко запахло цветами и ладаном, после чего послышался громкий стук распахнутого окна и пронзительные, на грани слуха, тоскливые вопли, от которых у многих занули зубы, а кто-то схватился за голову и даже за сердце.

– Все, можно заходить!

Студенты один за другим, толкаясь и озираясь, протиснулись в дверь.

– Смотрите под ноги!

Пол между партами и перед кафедрой был присыпан тонким слоем не то пыли, не то пепла. То есть, должен был быть присыпан, но в некоторых местах его уже затоптали и стерли. Два из четырех окон были распахнуты настежь, впуская холодный осенний воздух.

– Плохо, очень плохо, господа студиозусы, – преподаватель нежизнелюбия мэтр Йоганн распахнул третье окно и помахал перед носом ладонью. – В боевых условиях мы имели бы труп. А может, даже не один. Но у вас есть возможность реабилитироваться... если кто-то сообразит, с кем или чем вам пришлось столкнуться, и что вы сделали не так... Жижка, молчать!

Уже поднявший руку и открывший рот Оливер так и застыл. В глазах его мелькнула боль.

– Кто-нибудь *кроме* студиозуса Жижки знает ответ на этот вопрос?

– Следы, – один из парней присел на корточки перед незатоптанным участком пола. На ровном слое белесой то ли пыли, то ли пепла выделялись крестообразные отпечатки.

– Хорошо, студиозус Крамер. Что вы можете сказать об этих следах?

– Это навьё, – не вставая, парень поднял голову.

– Правильно. А что такое навьё?

Стоявшая рядом с Крамером девушка подняла руку:

– Навьё или навь, если в единственном числе – посланцы мира мертвых. По сути дела, это – переродившиеся души умерших. Их появление, как правило, ничего хорошего не означает... Чаще всего навьё являются провозвестником каких-либо несчастий, могут переносить моровые поветрия и эпидемии. В летописях некоторых городов можно найти упоминания о том, что навьё бьёт людей.

– Хорошо, студиозус Крамерова, – кивнул преподаватель. – А как справиться с навьём?

– Э-э... – юноша и девушка переглянулись.

– Понятно, – тот отвернулся от парочки, обвел остальных взглядом. – Что, у всех память отшибло?.. Жижка, молчать! Я и так знаю, что вы все знаете!

На Оливера было жалко смотреть. Прячась от взгляда преподавателя, он спрятался за чужими спинами и стал жестами и мимикой показывать правильный ответ в надежде, что хотя бы кто-нибудь сообразит, что надо сказать.

– Э-э, – Рихард первым разгадал, что хотел показать приятель, – навъё боится свечей...
То есть, света!

– Именно, студиозус Вагнер. Как любое порождение мрака, оно боится света. А еще?

– Тепла?

– Если вы имеете в виду огонь, как источник тепла, то близко. Но сам огонь чье порождение?

Оливер бросил выразительный взгляд на распахнутые окна, и этот взгляд не остался незамеченным.

– Солнца?

– Именно. Поэтому я заранее позаботился закрыть окна шторами, чтобы создать полумрак. И пасмурная погода тут мне сыграла на руку. Солнца нет, но свечи – вернее, пламя свечей – его с успехом заменило. А вот что притягивает навъё?

– Жизнь?

– А точнее, жизнь, стоящая на грани. Навъё, как любые хищники, предпочитают нападать на слабых. Старики, дети, больные или только что пережившие болезнь или сильное потрясение... Иногда приманкой может служить царпинка или ссадина... Да вообще любая слабость. Например, страх.

– Но тогда выходит, что слабостью может стать все?

– Да.

– И как тогда...

– Вот об этом давайте порассуждаем на сегодняшней лекции. Рассаживайтесь, господа студиозусы... И вы вылезайте, барышня!

Студенты направились к партам, аккуратно обходя отпечатавшиеся в пыли следы. Профессор наклонился, подавая руку Изольде, которая выбиралась из-под кафедры на четвереньках.

– Мило! Очень мило! Позвольте помочь?

Он протянул девушке руку и улыбнулся, когда ее пальцы оказались в его ладони.

– Мило, – повторил он, осматривая ее лицо и фигуру, – вы новенькая? Почему я вас раньше не видел?

– Я только недавно перевелась... – пролепетала Изольда.

– Отлично. Как ваше имя?

– Швец. Изольда Швец.

– Отлично. Можете идти на свое место, студиозус Швец... А мы, господа хорошие, поговорим с вами о том, как живым существам защититься от неживых. Студиозус Швец!

Изольда, едва успев добраться до парты, за которой ей заняла местечко Ханна, так и подпрыгнула.

– Студиозус Швец, поведайте миру о том, почему вы, ничтоже сумняшеся, вошли в аудиторию, которая была полна нежити? Вы этого не знали?

– Я этого и не обязана была знать, – промолвила девушка. – У нас раньше... ну, дома... там такого не было!

– А здесь такое есть, ибо мы готовим некромантов, а не кисейных барышень, которые падают в обморок при виде улитки!

– Но я не падаю в обморок! И вообще, – она с вызовом расправила плечи, – поскольку я новенькая, вы должны сделать мне скидку...

– Скидки бывают в лавке при распродаже залежалого товара, – парировал профессор. – А я мог бы проявить снисхождение...

– Это одно и то же.

– Вот как? В таком случае, может быть, нежить и нечисть тоже одно и то же?

– А...ну...да. То есть, – заметив, как затаила дыхание аудитория, пошла на попятную девушка, – это как бы не одно и то же. Нечисть – это нечистая сила. А нежить...

– Неживая сила...

– Да!

Ханна тихо охнула.

– И вы, конечно, знаете, чем нечистая сила отличается от силы неживой?

– Разумеется! Нечистая сила несет человеку зло, а неживая...

– Добро?

– Н-нет, – Изольда сообразила, что говорит что-то не то. – Она тоже несет зло. А отличается она тем, что исходит от неживого. То есть, от нежити.

– Неживая сила – это нежить и исходит от нежити, – склонил голову набок профессор. – Я вас правильно понял?

– Вы меня запутали, – огрызнулась Изольда. – Мы такого не проходили! Мы проходили, кто такие домовые, водяные, лешие...

– И кто же?

– Духи. Обычные духи, названные так по месту обитания. Домовые – это духи дома, водяные – это духи воды, лешие – духи лесов. Есть еще поляницы, полудницы, водяницы, болотники, ручейники... – она запнулась, морща лоб. – Вспомнила! Еще банник и овинник! Вот.

– Хорошо. И кто это, по-вашему? Нечистая сила или...

– Нежить!

– Уверены?

– Да. Это ведь все неживая природа...

Рихард тихо усмехнулся. Стерва или нет, но эта Изольда хорошо держится. Несет чушь с таким видом, как будто уверена в своей непогрешимости. Хотя, кто знает, может, и уверена. Блондинки – они такие!

– Чудовищные пробелы в элементарных знаниях, – покачал головой мэтр Йоганн. – Но, – он пристально посмотрел на девушку, – у вас есть неплохой шанс наверстать упущенное. Несколько дополнительных занятий – и не вы только догоните остальную курс, но кое-кого и перегоните. До уровня Оливера Жижки вам не подняться, но кое-кого вы уже после двух-трех индивидуальных уроков заткнете за пояс. Например, студиязуса Вагнера.

Изольда мигом обернулась туда, где на задней парте скромно восседал Рихард и смерила его оценивающим взглядом. Сама она при этом, естественно, не видела, как на нее смотрят со всех сторон – и особенно со стороны кафедры. Парень улыбнулся и подмигнул девушке, и та фыркнула с видом оскорбленного достоинства:

– Я согласна!

– Вот и отлично. В таком случае, жду вас завтра в шесть часов вечера здесь, в этой аудитории. Занятия завтра заканчиваются в пять часов, так что нам никто не помешает заниматься.

Изольда кивнула и села на свое место. Ханна таращила на нее глаза и не могла вымолвить ни слова.

– А вы, господа студиязусы, доставайте перья и бумагу и приступим к нашей лекции, – вернул ее с небес на землю голос профессора. – Тема: «Навьё. Виды. Роды. Особенности морфологии и поведения. Способы защиты».

Мужчина метался по комнате, как зверь по клетке. Он то присаживался, то вскакивал снова. То подходил к окну, глядя на внутренний двор, то отбегал от него. Торопливые шаги заставили его кинуться к дверям:

– Ну, что?

Слуга, переступивший порог, был бледен и также взволнован.

– Нет, – только и прошептал он.

– И никаких следов?

– Никаких!

– Трое суток, – мужчина схватился за голову, покачнулся и тихо застонал.

– Господин управляющий? – робко позвал слуга. – Что с вами? М-может, кого-нибудь позвать?

Управляющий с усилием выпрямился, стиснув кулаки.

– Продолжайте поиски, – глухим натужным голосом промолвил он. – Ищите милорда везде. Если его не найдут... и не отыщут никаких следов... Но вы должны отыскать эти следы, бесы вас побери! – сорвался он на крик. – Слышите? Должны! Во что бы то ни стало! Иначе...

Слуга побледнел еще больше, что-то пролепетал и выскочил за порог. Дверь захлопнулась.

Управляющий бросился в кресло, обхватил голову руками. Он ужасно не хотел этого делать, но, если еще три дня поисков не дадут результата, придется-таки написать эрцгерцогу. И одному Свентовиду известно, как поведет себя Валентин Ноншмантайн, когда узнает о случившемся несчастье.

Тихо скрипнула, приотворяясь, дверь. Темнота еле слышно вздохнула.

– Привет, это опять я! Извини, что так долго! Были обстоятельства... Но я про тебя помню! Смотри, что у меня есть! Синий корень! Знаешь, что это такое?

Новый вздох. Где-то в углу шевельнулась тень, но в темноте нельзя было сказать наверняка.

– Так что ты верь мне! Я все сделаю. Мы с тобой оба знаем, кто в этом виноват, и он за все заплатит! Не беспокойся...

Шорох в коридоре. Кто-то, кажется, собирался воспользоваться общественной уборной.

– Извини, мне пора... Пока! Я еще приду.

Скрипнула дверь. Темнота еле слышно вздохнула.

В кои-то веки раз вторая половина дня у четвертого курса выдалась свободной. Вообще-то, в расписании значилось, что это время студенты должны посвятить самоподготовке, и чаще всего именно на это время назначалась отработка пропусков и передача зачетов. Но сегодня Ханне повезло, и она решила сделать то, что долго откладывала.

Переодевшись в свое лучшее выходное платье, девушка взяла корзинку и выскользнула за территорию Колледжа. Привратник проводил ее пристальным взглядом, но ни слова не сказал – студентка явно собралась за покупками. Конечно, на рынке ей делать нечего – столовая работает бесперебойно, стипендия не так велика, чтобы полностью питаться самостоятельно, да и после обеда на рынке вряд ли можно купить что-нибудь стоящее.

Ханне до рынка не было никакого дела. Она свернула на боковую улочку и двинулась дальше, в сторону Блошиного конца и Гончарной улицы. Дома тут стояли почти все деревянные – редко, кто мог позволить себе первый этаж из камня. Как правило, это были лавочники или немногие разбогатевшие и отошедшие от дел торговцы. Ханна спокойно шагала по середине улочки, время от времени забирая то вправо, то влево, если ей надо было обогнать прохожего – или если ее кто-то обгонял. Несколько раз она останавливалась, пропуская то повозку, то всадника, то нагруженного поклажей мула, то старьевщика с тачкой.

Через несколько минут она добралась до небольшого домика, стоявшего несколько в глубине, отступив от стройного ряда домов на пять шагов. Освободившееся пространство было огорожено сбитым из горбыля палисадником, в котором густо росли травы и цветы. Даже сейчас, в начале осени, тут все зеленело, и кое-где даже цвело. Правда, встречались и стебли с

созревшими семенами, и пожелтевшая ботва, и вялые соцветия. К входной двери надо было пройти между этим палисадником и оградой соседнего дома.

Девушка поднялась на невысокое, всего в пару ступенек, крыльцо и три раза дернула за веревочку от колокольчика.

– Кто там?

– Это я, Ханна. Госпожа Марфа, можно войти?

Дверь распахнулась. На пороге стояла высокая крепко сбитая женщина. Когда-то она была красива, и в форме ее бровей и губ еще угадывались тени былой красоты. Да и кожа еще сохраняла чистоту и изрядную долю свежести и упругости. Но даже в свои пятьдесят лет Марфа Скруль еще притягивала взоры, особенно когда приходила на рынок поутру и шла вдоль зеленого ряда. Торговки боялись ее, как огня, ибо она сразу подмечала ошибки и попытки продать вялую зелень по цене свежей, а также пресекала порывы продать покупателям одну траву вместо другой.

Марфа Скруль была знахаркой, травницей, ворожеей, повитухой и костроправом для жителей всех окрестных улиц. А еще она хорошо знала Ханну.

– Проходи, девочка, – знахарка посторонилась, давая ей дорогу.

Вместе они вошли в просторную чистую и светлую горницу, обставленную, словно жилищный деревенский дом. Обеденный стол с солонкой в самой середине, лавки, лари и сундуки вдоль стен, полки с деревянной и глиняной посудой, возле печи цветастой занавеской отгорожен угол. Две двери вели – одна в кладовую, а другая в маленькую боковушку.

И всюду были травы. Они пучками висели на потолочной балке, связками сушились на печи, в мешочках красовались на лавках, источали аромат в корзине. Кое-что Марфа Скруль выращивала в своем садике, кое-что покупала в зеленом ряду на базаре, но за большинством трав приходилось ходить за город, в поля и луга.

А были и совсем редкие и ценные травы, которые добыть было практически невозможно. И вот для этого к ней и заходила Ханна Руге.

А еще знахарка когда-то пользовалась ее заболевшую мать. И вместе с девочкой пережила утрату пациентки. В какой-то мере из-за нее Ханна и решила поступать учиться на целительницу. И продолжала мечтать об этой профессии даже после трех лет учебы на факультете некромантии.

– Давненько ты не забегала, моя милая, – Марфа вернулась к прерванному занятию. Она изготавливала какие-то пилюли из вываренной тягучей массы зеленовато-бурого цвета.

– Дела, – неопределенно отозвалась девушка. – Начался учебный год. Столько всего произошло...

– Да, жизнь не стоит на месте, и постоянно что-то происходит, – промолвила знахарка.

Услышав голоса, из кладовой вышла девушка лет двадцати. Лицо ее осветилось улыбкой:

– Ханна!

– Деяна!

Они сердечно обнялись, поцеловались и присели рядом на лавку, держась за руки.

– Ты как?

– У меня все то же, – беззаботно отмахнулась Деяна. – Помогаю маме, хожу в лавку... Вчера сама принимала роды! – лицо ее осветилось тревожным светом. – То есть, мне немного помогала мама...

Она посмотрела на знахарку, которая, сложив руки на переднике, сверху вниз смотрела на девушек.

Сходства между матерью и дочерью было так мало, что никто бы не заподозрил их в близком родстве. Насколько мать была красива в молодости, настолько ее дочь сейчас была невзрачна. Серовато-рыжие волосы, серые глаза, веснушки на щеках, грубоватые, в цыпках, руки. Простое платье сидело на ней мешком, и даже пояс не мог помочь и обозначить талию. К

тому же, она была плоскогрудой, а на верхней губе и руках пониже локтя – рукава она закатала – росли густые волоски. Однако, ее улыбка и сияние глаз вполне компенсировали недостатки внешности. Деяна улыбалась так, что уже за одно это ей можно было бы простить любой недостаток внешности, даже явное уродство.

– А у тебя как дела? – спросила она подругу.

– Да все то же. Я принесла вам кое-какие зелья, – Ханна полезла в корзинку. – Вот, все по рецепту, хотя мэтр Анастасий был сильно недоволен и даже хотел поставить мне незначет...

– За что? – Марфа Скруль взяла у нее закупоренный пузырек, открыла пробку и осторожно понюхала содержимое. Потом сунула внутрь мизинец, коснулась самым кончиком ногтя содержимого пузырька и, вытащив, лизнула. – По-моему, сделано верно!

– Да, но он задавал совсем другое! – со смехом провозгласила Ханна. – «Студиозус Руге, вы чем меня слушали? Животом или солнечным сплетением?» – проскрипела она, подражая голосу алхимика. – Как бы он не заставил меня отрабатывать, – добавила она своим обычным голосом. – С него станется...

– А ты ему, случайно, не сказала, что всю жизнь мечтала стать целительницей?

– Сказала. Да он, собственно, так и понял, когда проверил мое зелье, – девушка кивнула на пузырек. – Дескать, на другом факультете вам бы цены не было... А я прекрасно понимаю, что никакая я не целительница, и если бы не ваши уроки...

– Не переживай, – Марфа погладила девушку по голове материнским жестом. – У каждого из нас свой путь и свое место в жизни. Не важно, какое место ты занимаешь – главное, что ты занят своим делом. Может быть, такова твоя судьба! И потом, мало ли некромантов подрабатывают целителями? Закончить обучение, начнешь работать по специальности, потом накопишь на патент, сдашь экзамен – и исполнится твоя мечта!

Ханна грустно кивнула. Пожалуй, только это ее и поддерживало все время.

– А за зелье спасибо, – знахарка убрала пузырек в стенной шкафчик, достала оттуда пустой, протянула девушке. – Знаешь, скольким людям оно поможет облегчить страдания? Что бы мы без тебя делали, девочка моя?

С этими словами она направилась к печи и стала в ней шуровать. Развела побольше огонь, достала с полки блюдо с пирожками, сунула в устье горшок с водой.

– Ужин я пока не готовила, но поешь пирожков. И травяной взвар сейчас будет готов... С липовым цветом и мелиссой, как ты любишь!

Ханна пересела поближе к столу. Пробормотав извинение, Деяна ушла в боковушку, зашуршала там чем-то.

– Госпожа Марфа, – Ханна взяла пирожок, повертела в руках, не зная, с какой стороны кусать. – А что вы знаете о синем корне?

– Синий корень? – руки знахарки дрогнули. – А зачем тебе?

– Ну... у нашего алхимика, мэтра Анастасия, как раз на днях экстракт синего корня пропал. Из шкафа с готовыми образцами.

– Откуда знаешь? – Марфа бросила быстрый взгляд через плечо.

– Так у нас как раз в тот день и была практика... Когда я вам это зелье сварила вместо заданного...

Женщина медленно обернулась, нависла над девушкой:

– Ты уверена?

Ханна кивнула.

– Кто это сделал? – голос, фигура, выражение лица ее изменились до неузнаваемости.

– Н-не знаю, – испугалась девушка.

– Точно не знаешь?

– Т-точно... Я не понимаю, почему... Я искала в книгах, но не нашла и подумала, что... ну, что это для целителей надо, а мы некроманты и нам вроде как его знать без надобности, вот

в наших учебниках и нет ничего про синий корень... Но наша Змея не выдает студентам одного факультета учебники для другого, попросить мне из целителей некого, вот я и подумала, – голос ее дрогнул, сев до шепота, – подумала, что вы можете знать... Госпожа Марфа?..

– Нет, девочка, – знахарка выпрямилась, взяла себя в руки и вернулась к печи, только голос выдавал ее состояние, – и я не знаю, для чего нужен синий корень. То есть, знаю, но... знахари его стараются не использовать. Вообще. А вот некроманты – часто. Но вам, молодежи, про него правильно ничего не рассказывают. Это зло. Большое зло.

Подчеркивая последние слова, перед девушкой с громким стуком на столе возникла кружка с горячим взваром. От нее шел резкий травяной дух.

Ханна все-таки укусила пирожок. Внутри оказались грибы.

– Теперь понимаю, почему мэтр Анастасий так взъелся, – подумала она вслух. – Он боялся, что о том, что в его шкафах сильный яд, станет известно всему Колледжу?

– Может быть, – пожала плечами знахарка.

Из боковушки вышла Деяна. Она успела переодеться в новое синее платье и светло-голубой, с отделкой, передник, а также переплела косы. На груди девушки сверкала нитка крупных стеклянных бус.

– Куда это ты собралась? – удивилась Марфа.

– Прогуляюсь до вечера, – девушка взяла пирожок, откусила. – Немного свежим воздухом подышу, а то у меня от трав в кладовке голова кружится.

– Раньше не кружилась, а теперь кружится? – нахмурилась знахарка. – Ой, смотри, дочка!

– Ну, мама, – протянула та. – Мне надо... Хочу кое о чем с Ханной поговорить тайком.

– Хотели посекретничать, так бы сразу и сказали, – явно обиделась мать на дочь. Отошла к печи и стала там возиться, переставляя горшки, чугушки и миски с места на место. – Я бы в огороде себе дело нашла или...

– Ну, мам, ну не сердись! – дочка подбежала, стала ластиться. – Просто такой случай представился! Ханна к нам теперь так редко заглядывает... Ну, немножко, ладно? Я только туда и обратно!

Перед улыбкой Деяны и правда устоять было трудно. Марфа вздохнула и погладила дочь по голове.

– Ладно, бегите, щебетуни... И, Ханна, ты не думай, что я тебя выпроваживаю, совсем наоборот, посидела бы ты у меня еще хоть часок. Помогла бы...

– Но мы торопимся, – Деяна крепко схватила подругу за локоть. – Допивай взвар, и мы пойдем!

Отвернувшись к печи, знахарка неодобрительно покачала головой.

– Мне и правда не стоит задерживаться, – Ханна поднялась. – Я лучше в выходной день забегу пораньше. К обеду, скажем, хорошо?

– Пирожков себе возьми, – бросила от печи Марфа. – В вашей столовой таких, небось, не пекут. Там все тят-ляп да на скорую руку...

Ханна усмехнулась и положила на дно корзинки четыре пирожка – себе, Оливеру, Изольде и Рихарду, прекрасно зная, что Оливер в противном случае отдаст приятелю половину своей доли, а он такой маленький и худенький, ему так надо хорошо питаться...

Ханне нравился Оливер. Но как ему сказать? Подумает, что девушка над ним смеется. Он и так сильно переживает по поводу своей непривлекательности – за три года ему еще ни разу не удалось пригласить девушку на свидания. Нет, девчонки за ним бегали – но только для того, чтобы попросить списать домашнее задание. А как человек невзрачный Оливер Жижка никого не интересовал.

Держась за руки, подруги вышли за порог и направились вдоль по улице. Они практически выросли вместе – Ханне было семь лет, когда она осталась без матери, Деяне шел шестой год, и Марфа Скруль с молчаливого одобрения семейства Руге взяла сироту под свою опеку.

Бывало, Ханна прибегала домой только переночевать, дни проводя в обществе подруги и ее приемной матери.

Да, своих детей у Марфы Скруль не было. Деяну, по ее словам, она взяла у какой-то нищенки, которая как-то раз приползла к ней в дом жестоко простуженная и умерла, несмотря на тщательный уход – измученный недоеданием организм не справился с простудой. Деяне тогда было около годика, она совсем не помнила родную мать и обожала знахарку.

Но вместе девушки дошли только до поворота. Потом Деяна крепко сжала руку подруги:

– Ну, все! Мне пора!

– Ты куда?

– Надо. Спасибо, что прикрыла! Маме только не говори!

– Да что случилось? Куда ты собралась? – Ханна с тревогой смотрела на подругу. Та улыбалась, и глаза ее мечтательно блестели.

– Это моя тайна! – девушка вся дрожала в предвкушении. – Я пока никому не могу рассказать, даже тебе, но... Ты обязательно обо всем узнаешь, обещаю! Я расскажу тебе первой!

Деяна чмокнула Ханну в щеку и убежала, едва не подпрыгивая.

Управляющий сидел в своем кабинете, уставившись на огонек свечи. Была ночь, но в доме никто не спал. Тревога поселилась в душах людей, и они просто не знали, что делать.

Перед управляющим лежал чистый лист бумаги с маленьким гербом в верхнем левом углу. Мужчина смотрел на него, как на своего врага. Потом обреченно вздохнул и обмакнул перо в чернильницу. Помедлил немного. Как бы то ни было, но больше это сделать некому. Итак...

Первые буквы дались нелегко, но потом перо словно прорвало невидимую преграду.

«Замок Ноншмантань. Его сиятельству эрцгерцогу Зверинскому. С глубоким прискорбием извещаю вас, что четыре дня тому назад ваш сын Валентин Ноншмантань-младший исчез из замка, вверенного моему попечению, в неизвестном направлении. Все поиски кронпринца на данный момент не увенчались успехом. Не удалось найти ни одного свидетеля, который видел бы кронпринца. Мы, ваши верные слуги, осознаем, сколь велико наше преступление, поелику мы не сумели обеспечить безопасность вашего сына и наследника. Сам я готов понести любое наказание и молю всех богов только об одном – чтобы вы, в своей неизреченной милости, не карали слишком строго вверенных мне слуг, которые сбиваются с ног, пытаюсь отыскать хоть какие-то следы пропавшего принца.

Остаюсь верным и преданным вашим слугой, в глубокой скорби пребывающий, управляющий вашего дома в Зверине, Людин Траст».

Дописав и трижды перечитав написанное – пришлось-таки переделывать, вымарывая строки о том, чтобы ему обещали помилование за совершенный проступок, – управляющий запечатал письмо личной печатью, после чего позвонил в колокольчик.

– Немедленно отправить его сиятельству. В собственные руки, – приказал он переступившему порог слуге.

– Э-э... – тот побледнел, как будто в письме ему был обещан смертный приговор.

– Рано или поздно его сиятельство должен узнать правду, – вздохнул Траст.

Слуга ушел. Плечи его мелко тряслись.

Посидев минуту-другую неподвижно, Людин Траст придвинул к себе новый лист бумаги и стал писать завещание.

– Ну, чего так долго? – приветствовал Рихард Изольду, встретив ее у главной лестницы общежития.

– Между прочим, воспитанные люди говорят: «Добрый вечер!» – ответила та.

– Между прочим, воспитанные люди не опаздывают! – огрызнулся тот.

- А я девушка. Мне можно!
- Понятно. Женщина – не человек.
- Хам!
- Фифа!
- Скотина!
- Стерва!

На последнем слове Изольда задохнулась и даже покраснела, словно подавилась воздухом. Рихард в душе обрадовался – дескать, знает девчонка, что означает слово «стерва» – но не успел переварить сладостную мысль, как она ответила:

– Да много ты понимаешь в жизни! И просто меня боишься...слабак!

В это время Рихарду ужасно захотелось ее ударить. И удержала его только мысль о том, что не все будут с ним согласны.

Например, мэтр Сибелиус точно будет против. Некромант ждал студентов у крыльца, скрестив руки на груди, и вид имел очень недовольный. Вместо мантии на нем были простые рубашка, брюки и куртка. У ног валялся вещмешок.

– Где вас бесы носят, господа студиозусы? Вы знаете, который час?

– Ночь на дворе, знаем, – кивнул Рихард.

– До восхода луны остаются считанные минуты. Нам пора на кладбище!

– Сейч-час? – Изольда даже начала заикаться. – На к-кладбище? Но я думала...

– Что? Что я засажу вас за архивы, заставлю часами переписывать старые отчеты? Нет уж. Сорвали урок – так будете проходить тему еще раз! За мной.

С этими словами преподаватель некромантии закинул вещмешок на плечо и решительно двинулся в сторону ворот. Студенты, бросая друг на друга придирчивые взгляды, последовали за ним.

До самого кладбища никто из троих не произнес ни звука. Только Рихард, когда увидел знакомую ограду, внутренне застонал. За седмицу это был третий раз, когда он появлялся на этом кладбище. И первый раз приходил сюда в открытую.

На этом кладбище не было калитки для некромантов, но между створками ворот оставалась достаточной ширины щель. Мэтр Сибелиус протиснулся внутрь, зажег фонарь и стал пробираться между надгробиями, шепотом приказав студентам идти след в след.

Рихард подчинился, а вот Изольда возмутилась:

– Почему мы пробираемся по траве? Есть же аллеи, дорожки для пешеходов...

– Есть, – не оборачиваясь, бросил наставник. – Но мы не ищем легких путей. Стезя некроманта изобилует трудностями, преградами, непредвиденными обстоятельствами и почти половину боя выигрывает именно готовность к преодолению трудностей. Те, кто ищет проторенных путей и не может импровизировать, полагаясь только на книжные догматы, тот долго у нас не продержится.

– Обычно их отчисляют, – мстительно добавил Рихард. – И правильно делают. Не женское это дело – некромантия. Кровь, грязь, упыри, нежить всякая...

– А что же тогда женское дело?

– Молчать! – тихо рявкнул мэтр Сибелиус. – Пришли!

Рихард огляделся и в первый миг испытал двойственные чувства. Он сам не знал, нужно ли ему еще раз побывать у той загадочной могилы, но сейчас, когда выяснилось, что преподаватель остановился в конце *другой* аллеи, а до искомого холмика саженей тридцать-сорок, если по прямой, он испытал жгучее желание непременно ее навестить.

– Так, – мэтр Сибелиус огляделся по сторонам, как будто пытался запомнить ориентиры. – Распаковывайте вещи! – бросил рюкзак студентам. – Когда поделите вещи, обратитесь за советом.

Внутри оказалось два набора лозоходца, два плана кладбища и пара приборов для определения уровня эктоплазмы.

– Отлично, – наставник потер ладони. – Берите это все и расходитесь. Будете замерять магический фон возле каждой могилы. Обследованные могилы отмечайте на карте, чтобы не обработать дважды одну и ту же. Результаты заносите в тетрадь в виде таблицы – номер захоронения, время замера, Кратность замеров, дата похорон и сам уровень. Студиозус Швец идет направо, студиозус Вагнер – налево от меня, – он указал рукой, куда кому шагать. – Вернетесь через час, Никуда не вступать, ни с кем не разговаривать, ни с кем не откровенничать. Все необычное отмечать отдельно, потом доложите. Вперед!.. Надеюсь, студиозус Швец, вы знаете, как измеряют уровень эктоплазмы?

– Да! – гордо воскликнула девушка, круто развернувшись и утопала в темноту, вертя перед глазами лозой.

Рихард проводил ее взглядом и направился в свою сторону.

Этот район кладбища был старым, давно заброшенным. Новые захоронения встречались так редко, что повлиять на общий уровень эктоплазмы не могли. А поскольку этот уровень стремился к нулю, приходилось прилагать немало усилий, чтобы добиться от лозы результатов.

Тем не менее, парень увлекся и опомнился, только когда практически уперся в ограду. Вскинул голову – да, он сам не заметил, как дошел до кладбищенской стены. До места, откуда он начал путь, было далековато.

Не желая и обратно брести среди могил – тем более, что почти везде уровень был меньше десяти, то есть, показывал стабильность, – Рихард, недолго думая, вышел на аллею, которая, если верить карте, упиралась как раз в Храм Смерти. Отлично! Там он и подождет своих.

Парень зашагал по аллее, бодро помахивая лозой, когда заметил невдалеке огонек и сразу застыл, как вкопанный. Опять! Неужели теперь всякий раз, как только он окажется тут ночью, будет происходить что-то невероятное? Рихарду понадобилось минуты две, чтобы сообразить, что это – мэтр Сибелиус. Воспользовавшись тем, что вверенные ему парень и девушка заняты делом, он явно творил какое-то волшебство.

И конечно, Рихард мигом набросил на себя полог невидимости и направился в ту сторону, крадучись и то и дело прячась за надгробиями и памятниками. Чары – чарами, но мэтр Сибелиус тертый калач. Он и не такое может почувствовать.

Мэтр Сибелиус колдовал над той самой могилой! Он торопливо начертил пентаграмму, нанес ряды символов, поставил в середину зажженную свечу и сейчас завершал последние приготовления, пытаясь в темноте разглядеть, открыта ли книга заклинаний на нужной странице.

Забыв про все на свете, Рихард присел за ближайшим камнем, торопливо начертил на земле круг, воспользовавшись при этом своим ножом. После чего крепко стиснул двумя руками защитный амулет, молясь всем богам, чтобы зарядки хватило еще на несколько часов. Потом он обязательно отнесет его в храм Смерти, чтобы тот напитался защитной энергией.

Покончив с делами, мэтр Сибелиус встал на границе круга, раскинув руки в стороны, и забормотал что-то невнятное, время от времени запинаясь и тогда сверяясь с книгой.

Минуту или две спустя ничего не происходило. Потом откуда-то снизу донесся то ли стон, то ли протяжный вздох. Некто, кого призывал некромант, отозвался на призыв.

– Иди ко мне! – гаркнул преподаватель так, что Рихард сам рванулся вскочить и подбежать к наставнику, но вовремя опомнился, и для надежности схватился за камень, возле которого присел.

– Иди ко мне!

Гулкий стон. На сей раз в нем слышались обертоны, свидетельствовавшие о том, что это все-таки речь.

– Иди. Ко. Мне! – раздельно промолвил мэтр Сибелиус.

– Ктоо-о... кто меня зовет?

Над могилой за клубился туман, стал собираться, словно нити белесой, неизмеримо пушистой пряжи. Постепенно из этих пседонитей соткалась фигура.

Это был человек. Мужчина – если судить по одежде. Правда, Рихард видел его только со спины, издали, да и не было в странном госте ничего такого, что отличает призраков от мира живых.

– Слушай меня! Внимай мне! Повинуйся мне! – прозвучала стандартная формула подчинения.

– *Я... слушаю...*

– Готов ли ты повиноваться мне?

– *Готов*, – голос звучал так спокойно и обреченно, словно дух уже заранее приготовился к худшему. Впрочем, подслушивающий Рихард – тоже. Мэтр Сибелиус был не из тех, кто так легко позволял посторонним узнавать свои тайны.

– Готов ли ты отвечать на мои вопросы?

– *Готов... хозяин...*

– Очень хорошо. А теперь – назови мне свое имя.

Откровенно говоря, ни один призрак или дух не в состоянии сообщить такое ни одному некроманту. И дело здесь не в том, что, зная имя, можно получить над этим духом неограниченную власть. Просто имя – это нечто сугубо индивидуальное, а души умерших, уходя за грань, теряют большую часть памяти. И имя, как самое хрупкое, исчезает одним из первых.

Вот и этот призрак заколебался, словно струйка дыма под порывом ветра, замерцал.

– *Не могу...* – у него изменился даже голос. – *Трудно... не могу говорить, хозяин... задыхаюсь...*

Некромант сделал несколько пассивов, потом выкрикнул несколько слов на одном из мертвых языков – Рихард сразу узнал кельтику и пожалел о том, что нет при себе письменных принадлежностей – записать. Ибо эти «хеттем-моррейн, иде пай» – явно относились к тайным знаниям, которые не преподавались студентам. А жадный до знаний Оливер вцепится в новое заклинание мертвой хваткой. И, как знать, может быть, это знание пригодится впоследствии...

Тем более, что оно, кажется, принесло свои плоды. После того, как некромант трижды повторил свое воззвание, призрак с трудом выдавил, едва ли не по слогам:

– *Ва-а-а... вал-лен...лентии-и-и-ин... н-не могу... пусть, хозяин... больно...* – в призрачном голосе звучала почти человеческая мука.

– Хорошо, Валентин... – кивнул мэтр Сибелиус, – еще несколько вопросов, и я отпущу тебя. Как ты попал сюда?

Призрак перестал дрожать. Сияние от него стало ровнее и ярче.

– *Они меня обманули... Заманили...напали...оглушили...я должен был догадаться, что это ловушка...должен. Но я пошел. Я обязан был узнать тайну. А вместо этого...*

– Какую тайну?

– *Тайну моего рода. Тайну, которую скрывает семья много лет. Тайну, которая может многое изменить...как изменила мою жизнь...*

Да уж, – мысленно фыркнул Рихард. Велика, наверное, эта тайна, раз она не просто изменила жизнь этого человека, но и совсем ее прервала!

– Ты пришел в условное место... а тебя там ждали...

– *На меня напали*, – проворчал призрак. – *Они меня обманули. Они меня убили...*

– Кто эти люди? Ты их знаешь?

– *Нет. Одного видел. Он говорил со мной. Другие... я их не видел. Только услышал. Поздно. Ударили. Ограбили. Отнесли сюда. Говорили...*

– Что? О чем?

Откровенно говоря, Рихард предпочел бы этого не знать. Как говорится, меньше знаешь – крепче спишь. А теперь они с наставником стали свидетелями убийства. И одно дело, если

это, скажем, разборки между членами одной банды и совсем другое, если убит некто влиятельный. Тайна рода... у простолюдинов, как правило, нет родословной, которой можно гордиться и чьи тайны достойны того, чтобы за них убивали. Если, как это было в начале Войны Трех Королей, когда неожиданно выяснилось, что представитель старой династии выжил – его дед столь успешно выдал себя за крестьянина, что дети и внуки прожили жизнь, даже не догадываясь о своем происхождении. Неужели...

– Теперь ты знаешь эту тайну?

– *О да, – призрак затрепетал. – Теперь мне ведомо многое! Теперь я знаю больше, чем нужно, и дорогую цену мне пришлось заплатить за это знание.*

– Не сомневаюсь, – кивнул некромант. – И что же это за тайна?

Ответ на этот вопрос мог многое прояснить в личности убитого. Ведь ему пришлось бы назвать имя своего предка.

– *Мой род обречен. Черные чары возьмут над ним верх... Будет забыто имя... его не спасет сестра...*

– Сестра? У тебя есть сестра? – это было лишним штрихом к личности знатного человека по имени Валентин. По этим приметам легко можно установить...

– *Она есть. И ее нет. Она здесь... и она там... она близко – и она далека... Она известна – и никому не знакома. Она – тайна.*

– Как ее имя?

– *Трудолюбие... жертвенность...*

Ну, с этим было все понятно – духи и призраки видят мир иначе. И сейчас призрак назвал значения этого имени. Осталось лишь отыскать девушку или женщину, чье имя означает либо «трудолюбие», либо «жертвенность». Но что могут означать слова «она здесь – и ее нет, она близко – и она далека, она известна – и никому не знакома». Может быть, само ее существование было той самой тайной, за которую этот Валентин поплатился жизнью?

– Очень интересно, – подумал вслух мэтр Сибелиус.

– *X-x-x...*

Тело призрака пошло мелкой рябью. Он отчаянно хотел что-то сказать – и не мог. Обитателям иного мира не дано обращаться к живым первыми. Они могут только отвечать на вопросы.

– Что ты хочешь? – мэтр Сибелиус был опытным некромантом и сразу обо всем догадался.

– *Тяжело... душно... больно... отпусти, хозяин!*

– Хорошо, – некромант достал из мешка у ног мех с водой, откупорил его, готовясь плеснуть на пентаграмму. – Я отпущу тебя. Но будь готов явиться на мой зов по первому требованию!

– *Да, хозяин!*

Пригоршня воды плеснула, разлетаясь мелкими брызгами. Призрак зашипел и испарился, оставив после себя странную смесь запахов – дорогие духи, земля, мокрое дерево и сладковатая вонь разлагающегося трупа.

Мэтр Сибелиус делово затоптал следы пентаграммы и только тут, кажется, заметил притаившегося Рихарда.

– Вы это видели, студиозус Вагнер?

– Да, – отпираться смысла не было. Все равно ведь узнает!

– Тогда вот вам мой совет, молодой человек, – некромант спокойно собирал вещи в мешок. – Если хотите жить, держите язык за зубами.

– Почему?

– Потому, что мы с вами – свидетели. А есть вещи, знать которые действительно опасно для жизни.

Глава 6.

Тихий скрип двери.

– Привет, это опять я! Извини, но у меня мало времени. Просто хочу напомнить – я скоро все приготовлю. В тех книгах мало нужной информации. Но я все сделаю! Ты не беспокойся!

В коридоре послышались шаги. Прозвучал чей-то нарочито бодрый голос.

– Извини, мне пора. Не хочу, чтобы меня тут застукали. Еще не время!.. Ну, до скорого!

Темнота не издавала ни шороха, ни вздоха. Только шевельнулась какая-то тень, когда дверь тихонько закрылась. Но это могла быть и крыса. В старых кладовках кого только нет!

Полночи проворочавшись в постели, Рихард так и не решил, стоит ли рассказывать обо всем Оливеру. Друг, конечно, вряд ли сможет помочь советом, но уже одно то, что есть, перед кем выговориться, существенно облегчало бы душу.

Осталось выбрать подходящий момент. Но сначала четвертому курсу предстояло одно малоприятное событие – первая практика по экзорцизму.

Пра Добраш прочел уже три лекции, вместе с вводной, и накануне предупредил студентов, что практической занятие будет проходить на территории университета богословия – вернее, в помещении прикрепленной к нему лечебницы, куда отправляли родственники всех тех, от кого отказались обычные целители. Многим пациентам действительно могли помочь именно там – или исцелить, или облегчить переход в иной мир.

Сама перспектива посещения больницы, даже особенной, закрытой, еще не была чем-то из ряда вон выходящим. На втором курсе студенты должны были в обязательном порядке провести в городской больнице три ночи подряд – следить за тем, как умирают больные, как Смерть навещает людей, как подает знак, кому жить, а кому – нет. Но университет богословия...

Ради того, чтобы проводить студентов, пра Добраш явился в общежитие – отлавливать четверокурсников еще на полпути к столовой. Он прошелся по первому этажу бодрым маршем, громко выкликая:

– Четвертый курс факультета некромантии! Всем выходить строиться у главного крыльца! Немедленно! Повторяю! Четвертый курс факультета некромантии! Всем выходить строиться... Эй, вы! Милые девушки! Не думайте, что я вас не видел!

– Вот гадство, – шепнула Ханна Изольде. – Заметил-таки! Теперь придется тащиться к богословам...

– А что не так?

– Это же богословы! Интересно, из наших кто-нибудь возьмет с собой оружие?

– Зачем?

– Богословы! – промолвила Ханна таким тоном, словно это должно было все объяснить.

– Ну и что? – честно не поняла Изольда.

Девушка посмотрела на подругу очень внимательно, потом вспомнила, что та совсем недавно учится в Колледже Некромагии и многого просто не успела узнать. Вздохнув, она пустилась в объяснения.

История этого противостояния тянется с тех относительно недавних времен, когда некромантия как наука была под запретом и за вызовы духов и «упражнения» с мертвецами можно было угодить на костер без суда и следствия. Некромантов жгли, травили, изгоняли, не гнушались даже расправляться с их семьями – женами и детьми. В ответ «мастера смерти» тоже при случае мстили своим обидчикам.

Война шла с переменным успехом – порой, скрепя сердце, люди шли-таки на поклон к некромантам – пока не разразилась Война Трех Королей. Противостояние длилось почти восемьдесят лет, заканчивали его внуки и правнуки тех, кто когда-то развязал войну за внезапно опустевший трон. Побочным эффектом столь долгой войны стала расплывшаяся нечисть и нежить. Непогребенные трупы один за другим мутировали в упырей, которые напали на мирное население. Многие семьи почти вымерли, и их чудом выжившим потомкам срочно надо было доставать доказательства своей причастности к той или иной фамилии. Не говоря уже о том, что многие магические науки оказались в забросе из-за того, что часть магов ушла на войну, и там погибла, не оставив учеников. И некроманты неожиданно оказались нужны и востребованы – как теми, кому надо было получить какие-то сведения от давно почивших людей, так и теми, кто пострадал от упырей, мроев, навья и прочей нежити, с которой некроманты расправлялись на «раз-два». Король отдельным указом не просто реабилитировал некромантию и некромантов, даровав им равные права с остальными гражданами, но и приказал основать Колледж Некромагии, назначив одного из своих дальних – по жениной линии – родственников главой попечительского совета. Звание должно было передаваться от отца к сыну до скончания века – или до того момента, когда не будет издан новый указ, снимающий с семьи эту наследственную обязанность. Это было семейство герцогов Ноншмантань.

Но, если некроманты и их клиенты воспрянули духом, то были и те, кто счел подобное заявление смешным и в корне неверным. Это были инквизиторы. Их лишили добычи, заработка, цели в жизни, оставив гоняться за знахарками, крамольниками и теми, кто просто играет в «прислужников Темных Сил». Они основали свой Университет богословия и теологии. Вернее, он существовал и прежде, но теперь в нем открыли дополнительный факультет по борьбе с некромантами. Король ничего не мог поделать, хотя очень старался.

Сейчас, много лет спустя, эта давняя вражда трансформировалась в непрерывную войну между двумя учебными заведениями. Профессора и преподаватели обоих уже научились не плевать друг в друга при посторонних и даже вполне мирно обсуждать некие отвлеченные материи, но вот до молодежи доходило с трудом.

– И сейчас мы просто-напросто лезем к упырям в лежку, причем когда те внутри и готовы к атаке, – закончила Ханна. – У тебя защитные амулеты есть?

– А зачем?

– Как – «зачем»? Вдруг придется драться!

– Ты что? – подруга вытаращилась на девушку. – Собираешься драться?

– А что? В стороне стоять, если эти наших парней бить будут?

– А могут? – Изольда занервничала.

– Еще как!

– Ой... – девушка побледнела и затравленно огляделась по сторонам. Нестройная колонна студентов шагала по улице вдоль глухого забора. Удрать было некуда – разве что перебежать дорогу и нырнуть в подворотню на противоположной стороне улицы. Но кругом столько ушей и глаз! Что же делать?

– Что, ни одного амулета нет? – по-своему поняла ее колебания Ханна. – На-ка, вот! У меня один запасной. Правда, он только от невербальных чар и нежити, но лучше так, чем совсем без защиты! Ты блоки-то ставить умеешь?

– Обижаешь! Я у себя в школе была лучшей на курсе! – Изольда вздернула подбородок. – Мою защиту никто не мог пробить!

Ханна только покивала головой – пусть так. Мысли студентки были далеко. Она заметно нервничала.

Многие четверокурсники были настороже. Рихард взял с собой фальшион и кинжал и посматривал по сторонам с таким видом, словно опасность могла исходить даже от его одно-

группников. Оливер вспоминал формулы защитных заклинаний и время от времени начинал делать пассы.

Пра Добраш шагал впереди, но то и дело оборачивался и окидывал строй студентов пристальным взглядом.

– Живее, господа студиозусы! – покрякивал он при этом. – Процесс познания бесконечен, но это не значит, что по дороге знаний следует тащиться нога за ногу, спотыкаясь и тормозя на каждом шагу!

– Вам-то легко говорить, – проворчал Янош. – А вы бы попробовали на наше место...

– На ваше? – услышал его экзорцист. – Спасибо, я уже там побывал. Сегодня утром я четвертый раз зашел на территорию вашего Колледжа и уже получил порцию презрения от каких-то первокурсников. И не только презрения, но и кое-чего похуже.

Он выразительно посмотрел на свою рясу, и Янош увидел на подоле грязное пятно.

– Что это?

– Не знаю, но ваш алхимик, когда я попросил у него средство, чтобы очистить одежду, выразил крайнее изумление тем, что я столь дешево отделался. Могли бы и кислотой плеснуть. В лицо.

– И вы н-ничего не попытались сделать? – у Яноша на лице был написан ужас пополам с презрением.

– А смысл? Я был один против десяти. Вам повезло – вас тут более пятидесяти человек. Правда, противостоять вам в случае чего будет не десять нахальных юнцов, а две сотни без пяти минут инквизиторов, но сильно сомневаюсь, что они дойдут до открытого противостояния.

– А если дойдут? – не сдавался Янош, и прислушивающийся к разговору Рихард придвинулся ближе.

– Тем хуже для всех, – коротко ответил богослов.

Рихард не мог с ним согласиться. Ему сейчас крайне необходима была хорошая драка – просто для того, чтобы снять напряжение. Эти полторы седмицы были столь насыщены событиями...

На этой оптимистичной ноте они завернули за угол и шагов через тридцать наткнулись на большие ворота. Никаких обозначений, что это Университет богословия и теологии, не имелось.

Из небольшой сторожки выбрался привратник. Как и в любом другом подобном заведении, привратником служил старик, который явно больше ни для чего не годится. Моргая подслеповатыми глазками, он долго смотрел на толпу у ворот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.